Master Negative
Storage Number

OCI00053.07

Obruchal'noe kol'tso, ili, Poteriannoe schast'e

Moskva

1912

Reel: 53 Title: 7

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCl00053.07

Control Number: BGQ-6678
OCLC Number : 25475605
Title : Obruchal'noe kol'tso, ili, Poteriannoe schast'e : bytovoi russkii roman v 3-kh chastiakh
Imprint : Moskva : Izdanie E. Konovalova, 1912
Format : 108 p. 17cm.
Subject : Chapbooks, Russian

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: CX

82

W 20.

Обручальное кольцо

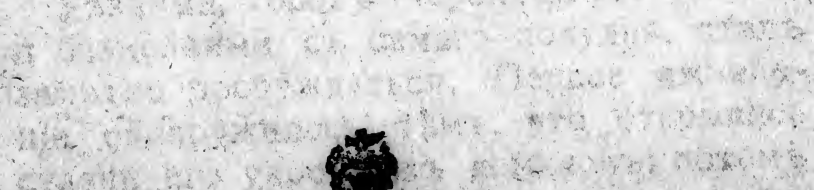
ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО,

или

ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ.

Бытовой русскій романъ въ 3-хъ частяхъ.

Изданіе торговаго дома
Е. КОНОВАЛОВА и К°.

МОСКВА,
Типографія П. В. Бѣльцова, Чистопрудный проѣздъ, д. № 16
1912 г.

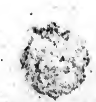
ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО,

или

ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ.

Бытовой русскій романъ
въ 3-хъ частяхъ.

Изданіе торговаго дома
Е. КОНОВАЛОВА и К°.

МОСКВА,
Типографія П. В. Бѣльцова, Чистопрудный проѣздъ, д. № 14
1912 г.

ГЛАВА I.

Пробужденіе уѣзднаго захолустья.

Послѣдніе лучи солнца, закатившагося за дальнія рощи, догорали пурпуромъ на западѣ; на востокѣ уже виднѣлся блѣдный серпъ молодого мѣсяца. Томительная жара іюльскаго дня ощутительно спала; наступалъ тихій, пріятный вечеръ.

Уѣздный городъ Черепицынъ, сонный и безмолвный съ самаго полудня, сталъ замѣтно пробуждаться. Первое оживленіе обнаружилось тѣмъ, что открылись ставни его укромныхъ домиковъ; потомъ легкимъ дымкомъ потянуло изъ домовыхъ

трубъ—и вскорѣ затѣмъ зашумѣли самовары; на дворахъ забѣгала хлопотливая прислуга.

Воспріявъ послѣ-обѣденное отдохновеніе, хоть и лѣниво, но *виртуозно*, то есть съ особымъ свистомъ, трелями и руладами, проснулся градскій голова Кузьма Демидычъ; онъ продолжительно зѣвнулъ, поразмялся корпусомъ и приказалъ подать себѣ графинъ квасу со-льдомъ.

Въ то же время рьяно, какъ по барабану, вскочилъ съ своей „возлюбленной" кушетки квартальный Болтуйцевъ и на кого-то такъ грозно прикрикнулъ, что встревожилъ свою сосѣдку, купеческую вдову Манефу Ѳерапонтовну, которая витала еще въ фантастическихъ сновидѣніяхъ и вовсе не была предрасположена къ пробужденію.

Разбуженная, однако, внезапнымъ зычнымъ возгласомъ строгаго блюстителя черепицынскаго спокойствія и порядка, молодая вдовушка пугливо вскинула голову; черезъ минуту, разобравъ, чей это голосъ, она сладко усмѣхнулась, отбросила нависшія на лицо густыя пряди волосъ и стала протирать свои заспанные глазки обоими пухленькими кулачками.

«Ахъ, что за голосъ у этого *изверга*, Харлампія Степаныча!»—такъ помыслила Манефа Ѳерапонтовна, зѣвнувъ съ томной, сладчайшей потяготой; но помыслила она не съ укоризной или порицаніемъ, а съ тѣмъ восторженнымъ чувствомъ, съ какимъ иныя барыни-меломанки говорятъ, въ своихъ интимныхъ отзывахъ, о голосѣ какого-нибудь очаровательнаго пѣвца итальянской оперы.

ГЛАВА II.

Молодой лѣкарь на родинѣ.

Въ ту же пору нисшествія на мирный градъ Черепицынъ благодатнаго вечера, лѣкарь Сергѣй Петровичъ Пчельниковъ одиноко ходилъ по діагонали, или, проще сказать, сновалъ, изъ угла въ уголъ, по небольшой комнаткѣ, въ домѣ своей тетки, Анны Платоновны Фирстовой.

Пчельниковъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ окончилъ университетскій курсъ и, три дня тому назадъ, прибылъ на родину, въ Черепицынъ, къ единственной своей родственницѣ, съ цѣлью немного отдохнуть послѣ трудовъ выпускного экзамена, чтобы потомъ съ свѣжими силами заняться диссертаціей.

Потомъ раскрылъ окно и долго глядѣлъ безцѣльно, въ широкое, далекое пространство, не замѣчая ни теченія времени, ни того, какъ мало-по-малу померкали пурпурно-золотистыя небеса и ве-

чернія фіолетовыя тѣни спускались на землю. Надъ ландшафтной далью поднималась роса, въ видѣ „марева“, образуя живописныя озера. Сумерки сгущались.

Лѣкарь задумчиво глядѣлъ въ окно.

ГЛАВА III.

Думы о быломъ.

На туманномъ фонѣ зарѣчной дали, слабо озаренной матовымъ свѣтомъ молодого мѣсяца, передъ лѣкаремъ рисовались знакомыя картины минувшаго: онъ какъ-бы снова переживалъ свое былое. Въ мысляхъ передъ нимъ возникало его грязное уличное дѣтство; видѣлись ему его отроческіе годы, время пребыванія подъ роднымъ кровомъ, гдѣ велась непрестанно, изо-дня въ день, отчаянная борьба его бѣдствующихъ родителей съ непобѣдимою нуждой, которая вовлекла семью въ скорбь и страданіе.

DAMAGED PAGE

Затѣмъ — сосредоточенному молодому человѣку представляются и смертные одры. .

Умираетъ его отецъ, рано похищенный смертью отъ изнурительной чахотки.

Мѣсяцъ спустя, какъ похоронили отца, онъ видитъ дорогую, родимую мать—за нѣсколько часовъ до ея кончины.

Умирающая, устремивъ на сестру свою, Анну Платоновну, слабый, меркнувшій взоръ, поручаетъ ея родственнымъ попеченіямъ сиротѣющаго Сережу и умоляетъ ее, не покинуть его, такимъ кротко-страдальческимъ голосомъ, отъ котораго дрогнули бы даже камни, сострадая ея скорби.

Передъ непотухшимъ еще взоромъ отходящей въ вѣчность матери, эта строгая женщина кладетъ свои сухія, холодныя руки на голову ея сына—и капаютъ изъ глазъ тетки ея теплыя слезы на лицо и рубашечку племянника.

Такія думы глубоко растрогали сердце молодого лѣкаря; онъ тяжко скорбѣлъ.

ГЛАВА IV.

Добрый путь-дорога.

И не измѣнила Анна Платоновна своимъ обѣщаніямъ.

Провидя въ ребенкѣ умственныя способности и страсть къ знанію, она рѣшилась пустить его по ученой части, отрицательно махнувъ рукой на всѣ совѣты и обольщенія уѣздныхъ кумушекъ, рисовавшихъ передъ ней завидную перспективу для ея племянника „въ торговомъ дѣлѣ“ или въ службѣ „въ конторѣ“ у богача-хозяина. Фирстова, будучи сама женщина необразованная, едва разбиравшая „по печатному“ и умѣвшая лишь подписать, и то съ чрезвычайнымъ напряженіемъ, свое имя и фамилію, хотя и смутно, неотразимо чувствовала могущество прочнаго образованія, и потому она всѣ свои средства употребила на то, чтобы вывести племянника на хорошую

дорогу, когда бы ему легко было проходить дальнѣйшій путь его жизни.

Раздумье молодого лѣкаря сильно взволновало его; но ему отрадно было оставаться въ такомъ возбужденномъ душевномъ настроеніи.

ГЛАВА V.

Братъ и сестра.

Сумерки сгустились и повисли надъ городомъ; въ окнахъ замелькали огоньки; на соборной колокольнѣ пробило десять монотонныхъ ударовъ.

Пчельниковъ все еще стоялъ у окна, также безцѣльно глядя въ нѣмую, потемнѣвшую зарѣчную даль—и вотъ, передъ его мысленнымъ взоромъ, проносятся два свѣтлыхъ, воздушно-прозрачныхъ призрака, въ которыхъ онъ узнаетъ дорогія ему существа: онъ видитъ товарищей

своей юности, Николю Быкова, и его сестру, Наденьку.

Николя Быковъ былъ сынъ богатаго черепицынскаго купца, который вовсе не походилъ на своихъ мѣстныхъ собратьевъ-торгашей.

Съ молоду отецъ Николи жилъ долгое время, по дѣламъ, въ Москвѣ, водилъ тамъ знакомство съ образованными людьми, успѣлъ кое-чему понаучиться и возъимѣлъ твердое намѣреніе скинуть съ себя кору невѣжества, въ которой ревниво пребывало все торговое населеніе города Черепицына.

Оставшись двадцатипятилѣтнимъ вдовцомъ, послѣ первой жены, и увлеченный красивой наружностью тридцатилѣтней купеческой вдовушки Марины Вукодовны, женщины „скудной разумомъ“, происходившей изъ старообрядческой семьи и воспитанной въ „домостроевскихъ“ понятіяхъ. Онъ женился на ней, не предусмотрѣвъ, будетъ ли она согласоваться съ его взглядомъ на жизнь, или, можетъ быть, разсчитывая на возможность ея преобразованія — но напрасно.

Вся его супружеская жизнь съ нею была сплошнымъ недоразумѣніемъ и непрерыв-

DAMAGED PAGE

нымъ раскаяніемъ; въ ней онъ имѣлъ какъ-бы тормазъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ.

Казалось, однако, что въ семьѣ ладъ и согласіе; но подъ обманчивой тишью и гладью кипѣлъ протестъ, клокотала злоба...

Образованіе дѣтей стоило ему упорной борьбы съ ихъ мачехой и въ этой борьбѣ ей пришлось остаться побѣдительницей.

Быховъ, въ одну изъ своихъ ярмарочныхъ поѣздокъ, простудился и вскорѣ умеръ, оставивъ сына, пятнадцати, и дочь, двадцати лѣтъ.

Послѣ его смерти, Марина Вуколовна принялась дѣйствовать «по своему», смѣло и энергично: книги пошвыряла въ печку, учителя прогнала; пасынку велѣла торчать безотлучно за прилавкомъ; падчерицу взяла изъ пансіона; затѣмъ, чтобы вполнѣ подчинить ихъ себѣ, она принялась уничтожать все посѣянное въ нихъ наукою и отцовскимъ гуманнымъ воспитаніемъ, когда уже сѣмена добра давали всходъ и обѣщали быть роскошными цвѣтками.

Но буря житейская внезапно надвину-

лась—и Николя не вынесъ ея гибельнаго натиска, будучи нравственно уничтоженъ: какъ молодой листокъ, сильнымъ порывомъ вѣтра оторванный отъ родной вѣтки, онъ зачахъ, изсохъ и преждевременно былъ взятъ смертью.

На долю его сестры, подъ попечительствомъ мачехи, выпало несравненно больше тоски и страданій, потому что она была терпѣливѣе брата и въ силахъ нести тяжкую участь.

Эта дѣвушка была вполнѣ несчастна. Ей дали хорошее образованіе; она уже могла объяснить себѣ всѣ недостатки общества, среди котораго росла; она осмыслила всю мелочность и нравственное убожество этой замкнутой и „самоправной" жизни. Ей представлялся другой, лучшій міръ, полный честнаго, плодотворнаго труда и нѣжной, разумной любви.

Всѣ помыслы и желанія Нади неслись въ этотъ свѣтлый, лучшій міръ. Но грубая сила обстоятельствъ воздвигла передъ ней неодолимую преграду, въ лицѣ ея строптивой мачехи—и дѣвушкѣ волей-неволей приходилось жить среди тѣхъ людей, отъ которыхъ она навсегда стре-

плакалъ, но не въ силахъ былъ отстать, ни отшатнуться.

ГЛАВА VI.

Подъ давленіемъ житейскихъ обстоятельствъ.

Пчельниковъ познакомился съ молодымъ Быховымъ не задолго до смерти его отца; когда же отецъ умеръ и сестра Николи была взята изъ пансіона, — братъ, тайкомъ отъ мачехи, познакомилъ Пчельникова со своей сестрой.

Молодые люди были сосѣди; свиданія ихъ происходили въ саду Быховой, въ то время, когда ее не бывало дома. Сережа и Наденька тайно полюбили другъ друга, притомъ съ такою взаимностью, какая только возможна между двумя молодыми нѣжными, неиспорченными сердцами.

Свѣтлыя, отрадныя надежды и ожида-

нія счастливой будущности очаровывали ихъ — счастье казалось имъ такъ возможнымъ...

Между тѣмъ, была уже близка роковая разлука.

Николя умеръ; все домашнее иго мачехи обратилось на падчерицу. Марина Вуколовна строго слѣдила за ней, не спуская ее съ глазъ.

Пчельникову настало время ѣхать въ университетъ.

Онъ нашелъ случай обмѣняться съ Наденькой записками.

Письмо угнетенной дѣвушки дышало безвыходнымъ, надрывающимъ душу отчаяніемъ.

ГЛАВА VII.

Отрадныя мгновенья.

На слѣдующій годъ, во время вакацій, Пчельниковъ пріѣхалъ въ свой родной городъ.

Наденька свято хранила въ сердцѣ свои чувства: въ разлукѣ съ милымъ Се-

режей, она жила мыслью о немъ: любовь ея не только не потухла и не остыла, но... тѣмъ сильнѣе забилось ея любящее сердце, когда ей стало извѣстно о прибытіи Сережи.

Свиданія возлюбленныхъ возобновились. Но это были только два-три отрадныхъ мгновенья.

Нашлись люди, съ зоркимъ зрѣніемъ и чуткимъ слухомъ, которые подглядѣли эти тайныя свиданія, подслушали задушевныя рѣчи, злобно порадовались своей находчивости и довели о всемъ до свѣдѣнія Марины Вуколовны.

Та моментально перемѣнила свою тактику — и Пчельниковъ уже не видѣлся болѣе съ Наденькой.

ГЛАВА VIII.

Роковое свершилось.

Черезъ полгода Наденька увѣдомляла Пчельникова въ письмѣ: „Мачеха выдаетъ меня замужъ, за черепицынскаго богача-купца, крупнаго хлѣбнаго торговца Вахвалова. Угнетенія доводятъ меня до по-

тери разсудка, до нравственнаго безсилія и оцѣпенѣнія. Милый Сеража, если я не найду въ тебѣ поддержки, или какой-либо благопріятный случай не подастъ мнѣ помощи, чтобы предотвратить грозящую мнѣ бѣду, то мачеха, конечно, воспользуется моимъ безвыходнымъ, беззащитнымъ состояніемъ и выдастъ за человѣка, который всюду извѣстенъ своимъ дикимъ нравомъ».

Но письмо не пошло по назначенію. Мачеха зорко слѣдила за всѣми поступками падчерицы и успѣла перехватить письмо въ то время, когда Наденькина знакомая дѣвочка несла его на почту.

Это обстоятельство, подъ угрозой помянутой дѣвочкѣ, осталось въ тайнѣ для Нади.

И напрасно было для молодой дѣвушки ея тайное ожиданіе, что отзовется любящее сердце на страдальческій призывъ о помощи, когда еще возможно предотвратить пагубную перемѣну въ подневольной жизни.

Коварство мачехи однако не осталось тайной для Наденьки, такъ какъ по поводу перехваченнаго письма мачеха не

могла сдержать себя, чтобы не укорить имъ свою падчерицу.

Наденька рѣшилась снова послать свое воззваніе къ Пчельникову - но отвѣта не послѣдовало.

По прошествіи нѣкотораго времени, Пчельниковъ, изъ переписки съ своимъ товарищемъ Погостовымъ, учителемъ черепицынскаго уѣзднаго училища, получилъ свѣдѣніе, что Наденька выдана за Бахвалова и терпитъ горькую участь.

„Ты не можешь себѣ представить,— писалъ ему Погостовъ,—что за трущоба ее окружаетъ! Какая пучина невѣжества! какой омутъ предразсудковъ!.. попраніе человѣческихъ правъ!.. произволъ, заглушающій всякое истинное чувство!.. Рабыня своего господина, она не видитъ отъ него ни уваженія, ни ласки, не слышитъ ни искренняго слова, ни привѣта.. Одно лишь нахальство и брань!.. Она не можетъ любить его, какъ мужа, потому что его потѣшныя ласки еще омерзительнѣе несдержанной злобы и побоевъ. Впрочемъ, что—жертва обреченная! а потому - роковое свершилось! Поздно сожалѣть! „Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!"—Смертный, знай, что всякое со-

чувствіе на словахъ равносильно скорбной насмѣшкѣ, ибо оно есть „мерзость запустѣнія". Будь-же благоразуменъ: смолкни и—уничтожься! Готовый къ услугамъ. Илья Погостовъ".

Послѣ того прошло три года: но еще и теперь Пчельниковъ не могъ, безъ внутренняго содраганія, вспомнить о той нравственной мукѣ, которую испытывалъ онъ, по прочтеніи этого письма. Онъ бродилъ, въ теченіи мѣсяца, праздно и безцѣльно, какъ помѣшанный, не посѣщая лекцій, ничего ни читая, ничѣмъ не занимаясь—и затѣмъ его душевное разстройство разрѣшилось жестокой нервной горячкой.

Съ тѣхъ поръ онъ уже не былъ на родинѣ; но, по окончаніи курса, ему надлежало исполнить святой долгъ и посѣтить свою попечительную тетку.

ГЛАВА IX.

Дорогой гость.

Въ передней внезапно стукнула и заскрипѣла дверь.

— Кто тамъ? Авдотья, ты?—спросилъ Пчельниковъ, думая, что пришла работница.

— Можно войти? — раздался за перегородкой мужской голосъ, показавшійся Пчельникову незнакомымъ.

— Войдите!—отозвался онъ, вставши со стула и беря свѣчу, чтобы итти въ переднюю.

Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ средняго роста, блѣдный, худощавый, съ длинными вьющимися бѣлокурыми волосами, въ синихъ очкахъ; на немъ была надѣта лѣтняя твиновая накидка съ откидными широкими крыльями, взамѣнъ рукаковъ; синяя суконная фуражка, съ бархатнымъ околышемъ, свидѣтельствовала, что вошедшій мужчина, по своей

профессіи, занимается просвѣщеніемъ юношества.

— Сережа! — радостно молвилъ онъ, протягивая къ Пчельникову обѣ руки.

— Погостовъ! — воскликнулъ восторженно лекарь, ставя свѣчу обратно на столъ.

Это былъ тотъ самый уѣздный учитель, Илья Ильичъ Погостовъ, которымъ послано было къ Пчельникову приведенное нами письмо о замужествѣ Наденьки Быховой.

Пчельниковъ познакомился съ нимъ въ первый годъ своей университетской жизни. Погостовъ былъ въ то время студентомъ—юристомъ третьяго курса; онъ пользовался въ студенческой средѣ особой популярностью, какъ необыкновенно даровитая натура; онъ пріобрѣлъ себѣ реномэ — на Погостова даже профессора возлагали самыя блестящія надежды и предрекали ему завидную карьеру.

И дѣйствительно: сирота, брошенный въ міръ какъ отребье, предоставленный съ младенчества невѣдомому призволу, Погостовъ еще ребенкомъ далъ себѣ слово выбиться изъ житейской колеи, на болѣе широкое поприще своего бытія, силою та-

ланта, путемъ науки. Имѣть такое намѣреніе, разумѣется, честно и похвально; осуществить его — дѣло нелегкое, задача трудно-разрѣшимая. Но природное дарованіе Погостова, его душевная энергія и неустанный трудъ помогли ему преодолѣть бездну препятствій, такъ что онъ, восемнадцати лѣтъ, поступилъ въ университетъ, не учившись прежде ни въ какомъ даже низшемъ учебномъ заведеніи. Онъ находился передъ тѣмъ въ услуженіи мальчикомъ при книжномъ магазинѣ, гдѣ могъ располагать свободнымъ временемъ, для своихъ подготовительныхъ занятій наукой, только въ дни праздничные, а въ будни — по ночамъ, соблюдая экономію во времени, предназначенномъ и потребномъ для отдохновенія и сна. Не смотря, однако, на такое зависимое, трудовое и стѣсненное положеніе, которое только обезпечивало его существованіе, Погостовъ, безъ посторонняго руководительства, или опытнаго педагогическаго наставничества, въ полномъ смыслѣ слова, *самообразованіемъ* достигъ того, что блестяще сдалъ экзаменъ въ университетъ, гдѣ вскорѣ сумѣлъ заявить свое

усердіе и талантъ: сталъ любимцемъ профессоровъ, оракуломъ товарищей.

Въ полной увѣренности можно было разсчитывать, что за его упорный, честный трудъ, за всѣ его лишенія и скорби, за выстрадавшую нужду и обширныя дарованія, его ждетъ достойная награда и широкое поприще для общественной дѣятельности. Казалось все это такъ возможнымъ и уже близкимъ... но въ концѣ четвертаго курса, внезапно все измѣнилось, не стало ни надеждъ, ни ожиданій. Погостовъ, „по болѣзни", вынужденъ былъ оставить университетъ.

Погостовъ вынесъ этотъ тяжкій нравственный ударъ, но, сбитый съ прямой своей дороги, лишенный будущности, въ смыслѣ карьеры, къ которой стремился онъ съ такими неимовѣрными усиліями, несчастный потерялся и упалъ духомъ.

Спустя нѣкоторое время, ради своего существованія, онъ принялъ на себя скромное званіе уѣзднаго учителя и получилъ мѣсто въ городѣ Черепицынѣ, далекомъ не только отъ столицъ, но даже отъ всякой живой мысли и умственнаго движенія. И тутъ зажилъ уже „польготно", „спустя рукава".

ГЛАВА X.

Дружеская бесѣда.

— Спасибо, что не забылъ,—радовался Пчельниковъ, крѣпко пожимая руки учителя. — Я вѣдь приходилъ къ тебѣ, ты знаешь?

— Да, кончилъ.

— Поздравляю!.. Vivat universitus, vivet professores! продекламировалъ учитель, въ восторгѣ, изъ всѣхъ силъ сжимая и потрясая рукой Пчельникова въ своихъ худыхъ, костлявыхъ рукахъ.

Видимо, такая медвѣжья ласка была не особенно пріятна лѣкарю, и онъ въ шутку, сталъ просить, пріятеля о пощадѣ.

Тотъ освободилъ его руки; потомъ, одушевляясь болѣе и болѣе, продолжалъ:

— Отъ души поздравляю тебя, Сережа, отъ всей глубины и высоты души! Bravo! bravissimo! Передъ тобой теперь широкій, открытый, торжественный путь

перспектива, карьера! Пользы, дружище, пользы давай какъ можно больше! Работай не ex officio, сирѣчь по служебной обязанности, а по принципу: дѣлай дѣло для дѣла! Ты теперь вступаешь на добрый путь-дорогу: а на этомъ пути много, много добра совершить можно, равно себѣ, равно и обществу! Это—непремѣнная твоя обязанность, святой долгъ, материнское благословенie, неизмѣнная клятва! Это — дружище, впрочемъ, все это тебѣ понятно. Конечно, не безъ труда, не безъ борьбы, не безъ тревогъ и волненiй. Ничего, смѣлѣй! не робѣй!.. Бодрисъ, не унывай!.. Трудись не лѣнись! главное — не падай духомъ! Мужайся,— «будь въ терпѣньи камень!» Валяй напоромъ! при впередъ, впередъ!.. forwaertz!.. Vivat!.. Да здравствуетъ Сережа!..

— Садись-же, садись! — прервалъ, съ улыбкой, лѣкарь восторженнаго друга.

— Ну, начни же ты теперь свой разсказъ: повѣствуй, разсказывай „не мудрствуя лукаво“, я жажду тебя послушать,—въ серьезномъ тонѣ отнесся Ростовъ, сажая друга и присѣвъ рядомъ съ нимъ, но вдругъ онъ безпокойно завертѣлся на стулѣ и сказалъ съ шутовс

ной гримасой: — эхъ, жалко! одного недостаетъ: нечѣмъ наше свиданье спрыснуть.

— Да ты развѣ пьешь теперь? изумленно спросилъ Пчельниковъ.

Вопросъ этотъ былъ, впрочемъ, совершенно лишній, потому что отъ учителя весьма ощутительно попахивало водочкой, да и самое лицо его изобличало въ немъ не послѣдняго охотника выпить.

— Захолустье, братъ, кого въ свою тину не втянетъ, — вздохнулъ Илья Ильичъ, замѣтивъ удивленіе лѣкаря, и горестно понуривъ голову.

— Ну, такъ постой, я поищу, — у тетки, кажется была водка, — подалъ отрадную надежду Пчельниковъ и, порывшись въ шкафу, въ которомъ помѣщались всевозможные хозяйственные припасы, извлекъ оттуда цѣлый штофъ темнозеленой жидкости.

— Не знаю только, — замѣтилъ онъ, поставивъ посудину на столъ, — по вкусу-ль тебѣ придется, трефолью настоена. Тетка пьетъ передъ обѣдомъ; здѣшній лѣкарь присовѣтовалъ ей пользоваться этой настойкой, для «пополненія» здоровья.

— Ничего, давай съ трефолью,— произнесъ Погостовъ, совѣстливо избѣгая взоровъ товарища,—я самъ предпочитаю горькія. Закусить—корочку чернаго хлѣба, безъ особыхъ „добавленій“, потому что я, вообще разносоловъ не люблю, съ дѣтства пряностями не избалованъ. — Выпьемъ вкупѣ! предложилъ онъ, наполняя рюмку.

— Уволь. Не пью. – отклонился Пчельниковъ.

— Ты, Сережа, не сердись, пожалуйста. Атмосфера здѣшняго захолустья, мое безцѣльное стремленіе и безсмысленное прозябаніе, какъ видишь, успѣли и меня достаточно опошлить. Безъ шутокъ желая тебѣ успѣха! Я вѣрю, ты не измѣльчишь, не измѣнишь правдѣ и убѣжденіямъ, добытымъ въ аудиторіи и въ средѣ дорогого товарищества, не прельстишься призрѣнымъ златомъ. Нѣтъ, ты былъ прямымъ, правдивымъ человѣкомъ; такимъ желаю тебѣ пребыть навсегда. Пью за неустанный трудъ, за нелицемѣрную правду и—за твое здоровье, милѣйшій другъ и новый ставленникъ Эскулапа!

Торжественно проговоривъ этотъ пром-

кій тостъ. Погостовъ сразу вылилъ въ ротъ себѣ рюмку лекарственнаго настоя.

— Ну, товарищъ старыхъ дней!—возгласилъ онъ и поперхнулся, прожевывая сухую корочку чернаго хлѣба; потомъ придвинулся къ Пчельникову и дружески положилъ руку на его плечо; но тутъ точно какое то темное облачко набѣжало на его блѣдное лицо: онъ мрачно усмѣхнулся, покачалъ головою и заговорилъ совершенно измѣнившимся голосомъ, съ грустно-насмѣшливымъ выраженіемъ:

— Эхъ, старое, хорошее старое, хоть и недавнее время! — Розовая юность, блаженное невѣдѣніе, свѣжія силы, смѣлые замыслы свѣтлыя ожиданья, высокія надежды, заоблачные полеты!.. Фу, чортъ возьми, какой богатый фантастическій грузъ, какой блестящій воздушный капиталъ!.. И чѣмъ же, чѣмъ все это разрѣшилось? чѣмъ резюмировалось?—Мыльный пузырь лопнулъ и *нѣчто* обратилось въ *ничто*.—Сережа, взгляни на меня... Да ну же, не стѣсняйся, гляди пытливо, инквизиторскимъ взоромъ.—Узнаешь ли ты прежняго бодраго юношу въ этомъ разбитомъ, надорванномъ и обезкрыленномъ остовѣ? узнаешь ли человѣка въ

этомъ кускѣ изнеможеннаго, изсохшаго и безполезнаго тѣла?.. не видишь-ли, наконецъ, во мнѣ какую то жалкую, обезформленную, грязную головешку?

Пчельниковъ, съ нѣмымъ выраженіемъ скорбнаго сочувствія, пожималъ руку товарища.

Между тѣмъ Погостовъ восклицалъ, съ чувствомъ безнадежнаго отчаянія:

— О-о-о, какъ тяжко чувствовать боль сдавливающую грудь, при мысли о своей немощи и безполезности!.. Пойметъ-ли кто мои страданья?!.. Нѣтъ, нѣтъ!

— Илья Ильичъ,—обратился къ нему Пчельниковъ,—выслушай мое искреннее слово.

— Готовъ слушать. Я весь—вниманіе.

— Мнѣ хотѣлось-бы, помимо твоихъ страданій, которыя мнѣ вполнѣ понятны,—замѣтилъ лекарь, все съ большимъ удивленіемъ поглядывая на учителя, — мнѣ хотѣлось бы понять... тебя самого.

— И то, я тебя изумилъ. Это оттого, что я — (тутъ Погостовъ щелкнулъ по стклянкѣ)—насчетъ сей «воды сокрушенія» больно слабъ. А гдѣ слабость, тамъ и паденіе.—А потому—усугубимъ.

И онъ быстро глотнулъ рюмку цѣлебнаго элексира.

— Для меня, дорогой другъ, опять-таки твоя рѣчь—загадка, замѣтилъ лекарь.—Неужели четыре года такъ тебя измѣнили?—прежде помню...

— Сережа! обратился онъ умоляющимъ голосомъ:—когда пріѣдешь ты въ тотъ городъ, гдѣ «жмутся зданія другъ къ другу всѣхъ родовъ архитектуры, бродятъ спившіяся съ кругу даровитыя натуры», говоря-же смиренной прозой: при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо изъ старыхъ моихъ задушевныхъ товарищей скажи всѣмъ и каждому, что Илья Погостовъ... тотъ самый субъекъ, съ могучими силами, воловьимъ терпѣньемъ, орлинымъ полетомъ, въ комъ чуть-ли не генія предвидѣли, ожидали чего-то необыкновеннаго, какихъ-то чудесъ,—что это невылупившійся недоносокъ безсильно палъ въ мертвомъ захолустьи;—и онъ смолкъ, какъ громкая фраза, потухъ, какъ трескучая шутиха-ракета, и мотается теперь, какъ тѣнь отверженная, по мѣстамъ злачнымъ, порхаетъ по портернымъ и съ скрежетомъ зубовнымъ докалачиваетъ свое ненавистное существованіе, ибо не

терпится ему *здѣсь*, хочется быть тамъ, гдѣ бы онъ могъ поскорѣе найти излюбленный исходъ своей искалѣченной, загубленной жизни... И произошла сія *псевдо-трагu-комическая интермедія* или *драма буффъ*,—Finita la comodia!

Погостовъ смолкъ, выпилъ рюмку «элексиру» озлобленно вскочилъ съ мѣста и порывисто прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Душно!—сказалъ онъ, потомъ, схвативъ фуражку и остановившись передъ лекаремъ, сказалъ: пойдемъ, дружища, со мной!

— Что ты вдругъ встрепенулся? съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него Пчельниковъ.—Посиди. Куда теперь идти?

— Не могу,—душа просится. Лучше я къ тебѣ завтра приду. До свиданья.

Погостовъ въ послѣдній разъ пожалъ руку лѣкаря и торопливо вышелъ изъ комнаты.

— Sic trensit gloria mundi! — такъ проходитъ слава міра или все великое, земное разлетается какъ дымъ!“— грустно произнесъ вслухъ лѣкарь по уходѣ учителя, и, понуривъ голову, погрузился въ раздумье.

Свиданіе и бесѣда со старымъ товарищемъ навѣяли на Пчельникова то-же томящее чувство, какое является въ груди, при обозрѣніи жалкихъ развалинъ прежде великолѣпнаго зданія, или при видѣ умирающаго юноши, еще такъ недавно полнаго свѣжихъ силъ и цвѣтущаго красотою и здоровьемъ.

ГЛАВА XI.

Одушевленный призракъ

Было уже довольно поздно. Работница сиротинка Авдотья, только, что возвратившись, въ попыхахъ, отъ сродственничка-куманька, вошла спросить, будетъ ли баринъ ужинать.

Пчельниковъ отказался. Работница, съ успокоенной совѣстью, поспѣшила на покой.

Прошло времени полчаса, и молодой лѣкарь все сидѣлъ въ одномъ положеніи, у стола передъ раскрытой толстой книгой, устремивъ взоръ на одну и ту-

же страницу и не замѣчая, какъ оплывала нагорѣвшая сальная свѣча.

— Нѣтъ, уже видно мнѣ нынче не читать! произнесъ онъ наконецъ, какъ-бы пробужденный отъ сновидѣній, и оттолкнувъ отъ себя книгу.—И къ чему вдругъ привяжутся забытые призраки, возбуждая ненужныя мечты, напрасныя желанья! Исчезните вы прочь... ну васъ!

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и раскрылъ обѣ его половинки.

Чудная, благоухающая ночь пахнула на него всѣмъ своимъ чарующимъ обаяніемъ: безъ звука, безъ движенія, нѣмая и неподвижная ночь будто звала и манила его къ себѣ, обольстительнымъ затишьемъ своимъ, казалось, хотѣла страстно прильнуть къ нему на грудь.

Чувство невыразимаго сожалѣнія о навсегда утраченномъ счастьи подступило къ его сильно бьющемуся сердцу: жгучее ощущеніе одиночества охватило его грудь и выжало изъ глазъ невольныя слезы. Онъ сильно скорбѣлъ.

— Наденька! Наденька!—прошепталъ онъ въ какомъ-то созерцательномъ и томимомъ полузабытьѣ.

И ему вдругъ показалось, что прямо противъ окна, въ полисадникѣ стоитъ кто то, словно тѣнь, прильнувши къ дереву.

Пчельниковъ устремилъ изумленный взоръ и притаилъ дыханіе; онъ оставался съ минуту неподвижнымъ.

Нѣтъ, нѣтъ! глаза не обманываютъ его: передъ нимъ не призракъ разстроеннаго воображенія, или мечтательная тѣнь, которая вовлекаетъ въ обманчивость чувство зрѣнія; напротивъ, онъ видитъ живое, одушевленное существо, это—стройная женская фигура.. Вотъ она отходитъ отъ дерева, приближается... какъ будто протягиваетъ руки... и зоветъ его...

— Сережа! слышится въ ночной тишинѣ нѣжный, задыхающійся шопотъ, или робкій сердечный отголосокъ.

Изумленный лѣкарь, услыхавшій знакомый женскій голосъ, пошатнулся впередъ, опершись руками на подоконникъ и произнесъ:

— Надя, неужели это ты?!

Черезъ минуту въ комнату вошла молодая женщина.

ГЛАВА XII.

Минуты скорбной радости.

— Надежда... Николаевна, вы здѣсь! — промолвилъ Пчельниковъ, встрѣчая свою нежданную, но дорогую посѣтительницу, но въ голосѣ его послышалось какое то невольное чувство неудовольствія и укоризны.

— Здравствуй, голубчикъ Сережа! былъ ея сердечный привѣтъ — и она, обвивъ его шею руками, припала къ нему на грудь.

Послѣ момента такой эксцентричной встрѣчи, онъ долго смотрѣлъ ей въ лицо и съ скорбнымъ чувствомъ замѣтилъ:

— Бѣдная! какъ же ты много настрадала! тебя безжалостно измучили. —

Она, въ свою очередь, также была чрезвычайно изумлена, глядя на него инымъ, то перемѣнного обратилась къ нему съ теплымъ искреннимъ сочувствіемъ околдовавшимъ

— Сережа, встань сюда, ближе къ свѣту, дай мнѣ насмотрѣться на тебя!.. Что же ты потупился и не глядишь?.. И взглянуть не хочетъ... насупился... хмурится, какъ ученый педантъ, гордецъ!.. Вотъ какою скорбной радостью ты меня встрѣчаешь, Сережа!

— Зачѣмъ ты говоришь это? возразилъ наконецъ лѣкарь. — Я не могу придти въ себя. Я изумленъ, пораженъ твоимъ посѣщеніемъ. Такъ нежданно, внезапно... Ты—замужняя, въ позднюю пору, у меня одинокаго... Наденька! какъ ты здѣсь? Жалѣешь ли ты себя?

— Такъ вотъ что тебя тревожитъ!.. Напрасно,—усмѣхнулась она.

— Я прошу тебя, скажи, какъ ты вырвалась изъ дому и рѣшилась посѣтить меня?

— Къ чему же спрашивать? возразила она.

— Къ чему же скрывать? возразилъ онъ.

— Ахъ, какой ты странный! Безъ всякихъ объясненій понятно, что вѣдь надо жъ мнѣ было видѣть тебя! Могла ли я сидѣть у себя дома равнодушно, когда узнала, что ты пріѣхалъ сюда, на роди-

ну, чтобы свидѣться съ своей попечительной теткой.

— Такъ что жъ мнѣ оставалось дѣлать и какъ лучше поступить?.. Ну, скажи Сережа.

Тотъ, въ раздумьи, молчалъ.

— Ты посовѣтовалъ-бы мнѣ, навѣрное,—обратилась она къ нему не безъ ироніи,—плакаться на обидчицу—судьбу и безмолвно досадовать на жестокость мужа.

— Я посовѣтовалъ бы тебѣ, произнесъ онъ энергично и мгновенно какъ-бы замялся:—Оставь лучше этотъ разговоръ. Что за совѣты?!

— Нѣтъ, я прошу тебя... мнѣ нужно знать, что-бы ты мнѣ посовѣтовалъ!..

— Покориться, — какъ-то невольно молвилъ растерянный мыслями Пчельниковъ.

— Покориться?! возразила она съ горечью и достоинствомъ.—Или ужъ я такъ слаба, такъ немощна?.. Да и зачѣмъ?.. Я все перенесла, что можетъ перенести женщина,—я слишкомъ долго и терпѣливо покорялась. Мнѣ предстояло пройти черезъ всѣ испытанія; я

пробилась сквозь многія муки, такъ что доходила до отчаянія, за которымъ уже нѣтъ жизни—и все таки сберегла себя для этой, долго-ожидаемой, встрѣчи. И теперь, когда ты здѣсь, мнѣ покорится?!.. Нѣтъ, не для того я ждала тебя!

— И ты ушла тайкомъ?

— Да, ушла... убѣжала.

— Но вѣдь тебя хватятся...

— Пускай!

— Надя, Надя! что ты дѣлаешь! Отчего ты какъ будто нарочно забываешь, что мужъ, замѣтивъ твое отсутствіе, станетъ тебя искать. А гдѣ ты?—въ немъ тотчасъ же возникнетъ вѣрное подозрѣніе, и онъ устремится ко мнѣ, застанетъ тебя здѣсь, силой возьметъ тебя. Навѣрное, онъ слѣдитъ...

— Ахъ, да, да! А мнѣ такъ много нужно поговорить съ тобой... Ты сказалъ правду. Здѣсь мы будемъ опасаться каждую минуту. Пойдемъ отсюда къ рѣкѣ, въ рощу: тамъ насъ никто не увидитъ. Мы будемъ на сколько можно осторожными. Мнѣ хочется разсказать тебѣ всю жизнь, до теперешней минуты, когда я, рѣшившись придти сюда, тихо подкралась къ твоему окну. О, что со мной

вдругъ сталось, когда я увидала тебя!.. Я замерла на мѣстѣ, скрывшись подъ темной липой, и нѣсколько минутъ стояла какъ очарованная... Я не могу выразить весь мой восторгъ... Мнѣ казалось, что опять повторилось былое, чудесное время... Дождалась-таки я, на перекоръ злой судьбѣ, возврата своего „*потеряннаго счастія*“... Сережа, миленькій! какъ мнѣ хорошо съ тобой!

И, въ подтвержденіе своего восторга, она прильнула къ Пчельникову горячо на грудь.

„Да, повторилось снова былое, — подумалъ въ влеченіи молодой лѣкарь, — опять оно, прежнее, сладкое очарованіе“...

— Ахъ, Надя, какой ты мнѣ бросаешь укоръ!.. Будь, что будетъ! Могу-ли я остановить теченіе жизни? Пускай же и меня увлекаетъ ея недержимый потокъ! — Пойдемъ, моя первая и послѣдняя радость!

Пчельниковъ гаситъ свѣчу, запираетъ комнату и оба уходятъ.

ГЛАВА XIII.

Поэзія и проза жизни.

Надъ городомъ и его окрестностями красовалась роскошная „бѣлая ночь". Лунный матовый свѣтъ придавалъ ночному ландшафту фантастически-волшебный колоритъ.

Отъ города на небольшое разстояніе шла сперва луговая ложбина, поросшая по окраинамъ мелкимъ кустарникомъ; далѣе мѣстность значительно поднималась надъ долиной и на ней привѣтно расположилась молодая рощица, называемая „Дубками"—любимое мѣсто прогулки че-репинскихъ горожанъ.

Пчельниковъ и Надежда тихо шли по направленію къ этой рощѣ.

— За что-жъ вы на меня сердитесь, съ упрекомъ возражалъ онъ своей спутницѣ.

— Къ чему такая дѣтская боязнь,— возразила рѣшительнымъ тономъ Надеж

да.—Пускай даже увидятъ меня съ тобой,—я на все готова. Я при всѣхъ, прямо скажу, что не могу болѣе оставаться при прежнихъ гнетущихъ условіяхъ жизни.

— Ваши слова никого не убѣдятъ. Будете противиться,—васъ силой отведутъ къ мужу. На его сторонѣ законъ и право. А у насъ что?

— Еще разъ прошу, идите домой. Чуетъ мое сердце, что упрямство вовлечетъ васъ въ бѣду.—Храни васъ Провидѣніе... Прощайте.

— Постойте, не уходите!.. Неужели вы забыли наше свиданіе передъ отбытіемъ вашимъ въ университетъ?

— Нѣтъ, я это послѣднее свиданіе помню такъ живо, точно переживаю его вновь.

— Развѣ не увѣряли вы меня въ то время, что никогда не оттолкнете нравственно свою любу-Надю,—что я всегда найду въ васъ неизмѣнно любящее сердце и опору въ трудныя минуты горевой жизни?

— Тогда я могъ это говорить вамъ, какъ любимой мною дѣвушкѣ. Вышли вы замужъ, и теперь между нами роковая

пропасть; рѣшившись переступить ее, мы оба низвергнемся... И намъ уже гласитъ надпись ада: „оставь надежду навсегда!"

— И достаетъ у васъ духу упрекать меня въ томъ, что я вышла замужъ? Вы знаете: прежде, чѣмъ выйти замужъ, я вышла на отчаянную борьбу и отстаивала свою свободу; но если покорилась, то уже доведенная почти до потери разсудка. Насиліе, угнетеніе и проклятія притупили во мнѣ сознаніе — чѣмъ моя мачеха и воспользовалась.—Когда я очнулась, то уже принадпежала другому. Протестовать было поздно и безполезно. Я писала вамъ; ждала вашего ободряющаго отклика и помощи.—Гдѣ-жъ вы были въ то время?

— Извольте, я не затрудняюсь отвѣтомъ,—ваше письмо застало меня, больного, въ грязномъ и холодномъ подвалѣ, въ то скорбное время, когда я, прикованный злою болѣзнью къ печальному одру, не могъ бывать на урокахъ, не въ силахъ былъ заниматься перепиской, чтобы добыть себѣ средства къ существованію. Потомъ наступилъ благопріятный переломъ въ болѣзни, но трагическія минуты не миновали. Я принужденъ былъ под-

шивать нитками отвалившіяся подошвы изношенныхъ сапогъ, собираясь идти, доставать гдѣ-нибудь „монету" на насущный хлѣбъ, на уплату за уголъ и койку. Это была та тяжелая пора, когда я,— говорю вамъ это безъ всякихъ фальшивыхъ аффектацій,—когда я готовъ былъ махнуть рукой на призваніе, лишь бы избѣжать страшной нужды. — Скажите, что я могъ тогда сдѣлать для васъ? Мнѣ оставалось только, скрѣпивши сердце, стиснувши зубы, терпѣть, молчать... и страдать, безмолвно, безъ воплей и рыданій!

— О, милый мой Сережа! Сереженька!— воскликнула глубоко растроганная Наденька.— Оба мы съ тобой несчастные страдальцы—и упрекаемъ другъ друга! Прости, прости,—я тебя обидѣла... ты огорченъ... Но какже не скорбѣть и не раздражаться о томъ, что потеряно. Вѣдь мы могли бы быть счастливы...

ГЛАВА XIV.

„Какое счастіе!" И ночь, и мы одни...

Пчельниковъ нѣкоторое время стоитъ въ глубокой задумчивости; лицо его подернулось морщинами; видно, что тяжкія думы борятся въ немъ; онъ не знаетъ, какой исходъ нужно ему предпринять изъ его непріятнаго положенія, чтобы не увеличить страданій любимой женщины и не навлечь тяжкаго укора на свою совѣсть.

Наконецъ онъ съ какимъ то отчаяніемъ обращается къ Наденькѣ:

— О, моя радость! о, мое горе!.. Наденька! милая моя!.. ты рѣшительно, рѣшительно не хочешь понять... ты задалась невозможной, неосуществимой мыслью... Какъ я тебя возьму? Я уже сказалъ, что не устрашусь никакихъ препятствій...

Но ты, я вижу, боишься за меня... Не бойся.

Она порывисто обнимаетъ его и говоритъ страстно и взволнованно, какъ-бы задыхающимся, прерывистымъ голосомъ:

— Нѣтъ... ты не уйдешь отъ меня... ты мой! Пускай соберется сюда весь городъ... придетъ мужъ, мачеха, вся родня... я не отойду отъ тебя! Я рада буду, если всѣ соберутся сюда... смотрѣть на мой позоръ. Я всѣмъ объясню, выскажу открыто, что именно заставило меня рѣшиться на такой смѣлый, нестѣснительный шагъ. Какъ бы то ни было, шагъ сдѣланъ; я уже ступила—возврата нѣтъ— я падшая.

— „Что дѣлать? какъ быть?—думаетъ въ то же время Пчельниковъ.—Убѣдить оскорбленную и экзальтированную женщину — невозможно; обмануть несчастную — низко, подло... Мнѣ совѣстно и жалко... безчестно и мерзко оттолкнуть, бросить на произволъ любимое существо...

— Наденька! выслушай меня,—повелъ онъ рѣчь свою тревожно и рѣшительно, чтобы дать скорѣйшій окончательный исходъ своей смутной душевной борьбѣ.

—Выслушай: выслушай! повторилъ онъ.

— Слушаю, милый Сережа, слушаю!

Онъ перевелъ дыханіе и произнесъ,

хотя не преднамѣренно, но невольно въ трагическомъ тонѣ опытнаго лицедѣя:

— Я... я — на все согласенъ! Не смотря ни на что, ни на чьи либо козни, не взирая ни на какія препятствія, я возьму тебя и увезу отсюда. Но этого нельзя сдѣлать, не изыскавъ предварительно достаточныя средства, а затѣмъ надо выждать удобное время... До тѣхъ поръ — терпѣніе, моя милая, терпѣніе...

— Значитъ, снова прежнее страданіе, Сережа? И такъ всю жизнь — терпи, терпи — и что же?

— Стерпится — слюбится, — пояснилъ онъ ей результатъ въ тонѣ поучительномъ.

Но это послѣднее выраженіе Пчельникова повергло ее въ самое грустное, безнадежное раздумье.

— Немного помолчавъ, онъ продолжалъ: бѣдность — губительница, ты похитила мой кладъ, лишила меня всего, всего... и я потерялъ мое счастье... — О люди, о человѣки! какъ мы всѣ ничтожны, какъ жалки!.. Жалѣю я васъ!

— Къ чему жалѣть! — любовно успокаиваетъ его скорбная женщина. — Наперекоръ судьбѣ, мы вмѣстѣ — и счастли-

вы. Забудь же, Сережа, все ничтожное... прочь эту жалкую, гнетущую грусть!.. Какое счастіе!.. Ахъ, какая радость! дай вспомнить, чьи-то стихи такъ начинаются... Да! — вспомнила.

„Какое счастіе! И ночь, и мы одни..."

А дальше, слушай!

„О, назови меня безумной! Назови
Какъ хочешь, — въ этотъ мигъ я разумомъ слабѣю
И въ сердце чувствую такой приливъ любви
Что не могу молчать, не смѣю, не умѣю!"

Но въ эту самую минуту на монастырской колокольнѣ, благодатно суровымъ напоминаніемъ, прозвучалъ протяжный ударъ часового колокола; за нимъ — другой...

— Ахъ, Боже мой!.. уже два часа!.. какъ скоро прошло время! воскликнула Наденька прерывающимся голосомъ.

— Мнѣ почудилось, — произноситъ она шопотомъ, испуганно, — будто показалось, что за тѣми кустами... кто-то кроется... Или то движутся ночныя тѣни?.. Нѣтъ, мнѣ ясно кажется - шевельнулись вѣтви... Видишь... вонъ тамъ, возлѣ того мѣста,

гдѣ бѣлѣется стволъ березы... Ахъ, какъ забилось вдругъ сердце!.. Мнѣ страшно!..

Недоумѣвая, Пчельниковъ зорко сталъ вглядываться... но ничего не могъ отчетливо разглядѣть.

ГЛАВА XV.

Облава на влюбленныхъ.

— Безбожники! грому-то на васъ нѣтъ! — нарушаетъ благоговѣйную ночную тишину зычный, рявкающій голосъ черепицынскаго купчины Бахвалова, который грузно высупаетъ изъ-за кустовъ.

Послѣ минуты общаго безмолвія, онъ обращается къ лѣкарю, оставаясь на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, съ вопросительной рѣчью, которую произноситъ сдержанно, но зло-усмѣшливо:

— Что-жъ это значитъ, почтеннѣйшій? ась? — Стало-быть, ты этимъ са-

нымъ дѣламъ и оказіямъ обучался? Въ докторы курсъ окончилъ? Отъ какихъ же болѣстей вылечиваешь и какими лекарствіями пользуешь? Въ нашъ, значитъ, городъ для практики изволилъ прибыть, чужихъ женъ къ себѣ прилечивать?..

— Ну, а ты, сударыня, госпожа „не тронь меня", по какому дѣлу, за какой надобностью сюда отважилась?—укоряетъ Бахваловъ свою жену, которая стоитъ ни жива, ни мертва.

Возбуждая въ себѣ душевную энергію, она говоритъ твердо и рѣшительно, открыто взглянувъ на мужа:

— Лука Кирилычъ! выслушайте меня снисходительно.

— Слушаемъ, сударыня,—бачьте!

Она указываетъ на Пчельникова:

— Вотъ кого я всегда любила. Я не могу жить въ вашемъ домѣ, отпустите меня. Будьте великодушны, имѣйте сострадание, не удерживайте меня при себѣ. Вы знаете, что я томлюсь страдаю, —неужели вамъ это радостно? Вы мной завладѣли помимо моей воли. Могу ли я любить васъ, когда я даже много моложе вашей дочери отъ перваго брака?

Предупреждаю васъ, какъ бы вы меня

строго не охраняли, хотя-бы подъ крѣпкимъ запоромъ въ желѣзной клѣткѣ, я улучу минуту, когда запоры слетятъ, дверь будетъ открыта, и я улечу на свободу...

— Улетишь?.. Правду-ль говоришь?.. Высоко порхаешь, — гдѣ-то сядешь?.. Послушалъ я твоего пѣнья — нахожу, что напѣла ты много, только ни складу, ни ладу... Достаточно!.. Порхай живо домой, да садись прямо на насѣсть въ свѣтелку, подъ строжайшій надзоръ дворника Вавилы. Порція тебѣ назначается высшая: полтора золотника въ сутки мякины и столько-же колодезнаго хлебова. Что касается чаю и разныхъ лакомствъ, отпускомъ умѣренныхъ порцій не желаю тебя стѣснять, а предоставляю въ собственное твое распоряженіе — мечтай, сколько душѣ угодно, глядя по апекиту. — Ну, теперича — выслушала *резолюцію*, исполняй команду — маррршъ отседа заячьей рысью!.. Чего-жъ стоишь, не повинуешься собственному твоему главнокомандующему? — У меня чтобъ живо — въ минутную секунду! хвостъ поджала, побѣжала... Ну-ну-же! расшибу!.. Иди!

— Пустите! Я не пойду съ вами. Идите прочь.

Такой ея рѣзкій поступокъ грозно поражаетъ Бахвалова: онъ остается какъ вкопаный на мѣстѣ.

ГЛАВА XVI.

Сила солому ломитъ.

— Оставьте! не смѣйте оскорблять несчастную женщину,—вступается Пчельниковъ.

— Тише пыли, не твои бобыли,—метнувъ на него острымъ взоромъ, возражаетъ Бахваловъ.—Смѣшонъ ты, баринъ! Спѣсивъ да не красивъ! Сторонись прочь! Не замай нашихъ, трогай своихъ!

— Я вамъ все таки не позволю, я не допущу, чтобъ вы стали надругаться

надъ беззащитной... чтобъ вы могли угнетать ее...

— Ну, это ты вздоръ городишь, милѣйшій! Наживи себѣ жену и мудрствуй надъ ней, какъ тебѣ будетъ въ охоту, а въ чужія дѣла не суйся. Знай сверчокъ свой шестокъ: чирикай въ щели, наружу не показывайся.

— Иди-жъ домой, Надюша! — обращается затѣмъ, любовно-притворно, суровый купчина къ своей женѣ.

— Пустите! вскрикиваетъ она, какъ львица — и съ кроткой, смеренной мольбою, жалобно молвитъ: — Сережа, защити, заступись за меня!

— Оставьте же ее! возвышаетъ свой голосъ встрепенувшійся лѣкарь, заграждая собою жену Бахвалова. — Она не виновата: вы — сознайтесь. Она силой домагательства взята въ замужество. Она гибнетъ, какъ сорванный цвѣтокъ. Ея кратковременная жизнь увяла. Она не виновата. Ей окажутъ умиленіе, отступите... къ вашей же чести. Не забудьте, свирѣпые люди, ниже всякаго животнаго. Будьте же выше...

— Экой ты, право-слово, чудакъ надоѣдный! — чуть ли не добродушно, усмѣ-

хается Бахваловъ.— Совсѣмъ зря расшумѣлся, какъ обтрепанный голикъ. Сказано: отстань. Ну, и будь здоровъ, хошь на сто годовъ!

Бахваловъ обращается къ женѣ.

— Надюша! полно, ну-же! иди во свояси... по доброй воли... и будешь помилована. Э-эхъ, сердешная! Напрасно ты супротивничаешь...

— Сережа... что со мной?!.. Голубчикъ, я умираю! восклицаетъ она и безчувственно падаетъ на землю.

— Эй вы, ребятушки-молодцы! возьмите ка сь бережнѣй хозяюшку въ охапку и тащите домой.

Приказаніе это покорно исполняютъ, бывшіе на готовѣ, его довѣренные парни...

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Взбаломученное болото.

ГЛАВА I.

Фактъ на лицо.

Бахваловъ зналъ о прежнихъ, искреннихъ и симпатизирующихъ отношеніяхъ, теперешняго молодого лѣкаря къ его женѣ, когда она была еще дѣвушкой.

Увѣдомленный городскими кумушками и сватами, добровольными разносчиками новостей и сплетней, о пріѣздѣ Пчельникова, онъ сталъ особенно внимательно наблюдать за женой, между тѣмъ искуссно замаскировывалъ холоднымъ равнодушіемъ и явной безпечностью свой тайный, лукавый надзоръ.

ГЛАВА II.

Гнилое болото всколыхнулось.

Понятно, какъ послѣ такого долгаго, томительнего затишья, обрадовались черепицынцы внезапному дуновенію скандальнаго свойства,

Если бы какой-нибудь космополитъ пріѣхалъ тогда въ Черепицынъ, то, навѣрно, сообразилъ-бы, что глухой городишко отличаетсл «бѣшенной» дѣятельностью. Повсюду виднѣлись оживленныя лица, всѣ шли какъ-то торопливо и прытко, со всѣхъ сторонъ раздавались громкіе возгласы.

— Слышали?.. Представьте себѣ..

— Какъ?.. когда?.. Неужели?..

— Вообразите.. я вамъ сообщу по секрету..

— Н-ну?.. Ахъ! Какое чрезвычайное бытіе!

Короче сказать, болото всколыхнулось...

всякіе ящеры и инфузоріи закопошились и потянуло отъ него міазмами...

Честный труженикъ науки, Сергѣй Пчельниковъ, въ имѣніи черепицынскихъ обывателей, представлялся Донъ-Жуаномъ, разумѣется, доморощеннымъ, самой беззастѣнчивой лубочной рисовки.

Невидавшіе молодого лѣкаря воображали его себѣ рослымъ молодцомъ, съ румяными щеками и залихватскими манерами: видѣвшіе дивились, какъ этотъ тихій, кроткій, блѣдный и тщедушный человѣкъ, не взявшій ни лицомъ, ни фигурой, могъ „заполонить" сердце гордой красавицы, жены Бахвалова, и вполнѣ искренно были убѣждены, что лѣкарь обладаетъ «вражьимъ зельемъ», приворотнымъ корнемъ, или чѣмъ-либо таинственно-привлекательнымъ!

Надъ семейнымъ огорченіемъ первѣйшаго «туза» въ городѣ потѣшались рѣшительно всѣ «масти» безъ исключенія. Но въ особенности добродушно трунилъ самъ градскій голова Кузьма Демидычъ.

— А ну-ка, ну ка,—относился Кузьма Демидычъ, волнуясь отъ хохота всею своею тучностью, къ помянутому обывателю, этой непечатной газетѣ городскихъ

новостей дня, съ подобострастіемъ сообщавшему ему про бахваловскую курьезную исторію: — ну-ка, разскажи Өедулычъ, какъ это онъ не того... ха-ха-ха-ха! въ самый, значитъ, разъ?

— Да-съ, такъ точно-съ, — въ самый патрафилъ антересный моментъ-съ. Тотъ было ее въ губки—чмокъ-чмокъ, а Бахваловъ его за шиворотъ—цапъ: царапъ!

— Гм-гм!—за шиворотъ?.. Вотъ такъ мументъ!—Ну, и сейчасъ бока лудить?

— Ужъ это какъ и водится, безотлагательно. Потому—эта самая лѣкарская практика, по новому способу, ему не понравилась.

— Ха, ха, ха! не пондравилась? ишь ты!.. По новому то способу?

— Нонѣ, я вамъ доложу, ваше степенство, Кузьма Демидычъ, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, разны способы прахтикуются: кто лѣчитъ водой, кто синпатіей, кто емепатіей... а это лѣкарь, изъ молодыхъ да ранній, придумалъ...хе-хе хе! по новому способу-съ... Бахвалову-то онъ и не по скусу пришелся.

— Ну, а женкѣ то, небось, въ удовольствіе? а?

— Онѣ, конечно-съ, женщина слабая,

въ здоровьи своемъ „молодушествуютъ", отъ пылкихъ чувствій неврами растревожены; а супругъ ихъ человѣкъ старый, крѣпкаго закала... Само-собой, для ихней хвори эта новая лѣкарская практика имъ даже очень по-нутру пришлась. Потому, тутъ только одно можно сказать: «вотъ такъ *пилюли*, что въ ротъ то спасибо!»

— Какъ, какъ, какъ? ха-ха-ха! — отъ душевнаго хохота воздымался толстымъ туловищемъ Кузьма Демидычъ. — Ахъ, бѣсъ, тебя забодай! Экая ты шельма, Ѳедулычъ!.. Какъ, какъ ты сказалъ? Ну-ка сь, повтори! потѣшь для праздника!

И повторялъ Ѳедулычъ сотню разъ свои „пилюли", и потѣшался градскій голова, задыхаясь отъ восторга и обзывая угодившаго ему куманька плутомъ, ерыгой, жуликомъ... и ни-вѣсть какимъ лиходѣемъ. Но столь пріятными аттестаціями куманекъ былъ доволенъ до глубины души: онъ чуялъ либо сюртукъ съ плечъ Кузьмы Демидыча, либо кредитную депозитку во долгъ безъ отдачи.

Одного смѣха оказалось, впрочемъ, мало. Нашелся искусникъ, пожелавшій вымазать ворота Бахваловскаго дома дегтемъ. Это черезчуръ смѣлое предпріятіе

кончилось, однако, худо для него самого: его поймали сторожа и доставили въ полицейское управленіе.

Другой смѣльчакъ, безграмотный поэтъ изъ фабричныхъ, сочинилъ „наобумъ" занозистую пѣсенку, которую разучила толпа фабричныхъ и распѣвала, подъ акомпаниментъ гармоники, прогуливаясь мимо дома богатаго коммерсанта. Послѣдній, однако, какъ ни скребло у него на сердцѣ отъ этой пѣсенки, поступилъ въ этомъ случаѣ очень ловко: когда пѣвцы проходили мимо его оконъ въ третій разъ, онъ выслалъ имъ съ молодцомъ пять рублей на водку и велѣлъ благодарить отъ своего имени за пѣсню.

Фабричные устыдились своего поступка и повалили скорѣй въ харчевню, пить за здоровье щедраго купца; а сочинителя пѣсни заставили заложить съ себя чуйку и поставить на всю артель ведро вина. И въ этомъ случаѣ на виновномъ оправдалась и поговорка: „чему посмѣешься, тому и *поробишь*" — поработаешь.

Такимъ образомъ, живопись была позорно приневолена отказаться отъ уча-

стія въ „бахваловской исторіи“; музыка и пѣніе, отрезвившись, смолкли: но изустная повѣствовательная словесность журнала, какъ ручей...

ГЛАВА IV.

Безъ вины виноватый.

Что-же было съ самимъ лѣкаремъ, виновникомъ всей этой молвы и суматохи?

Не трудно объяснить себѣ, что долженъ чувствовать человѣкъ, ставшій притчей во языцѣхъ, чудищемъ всего города, виновный въ томъ, что не имѣлъ силъ оттолкнуть отъ себя несчастную женщину.

Не имѣя возможности не только предотвратить, но даже облегчить утѣшеніемъ ея душевныхъ страданій, Пчельниковъ рѣшился уѣхать изъ Черепицына: но чтобы скоротать время до возвраще-

нія тетки, на другое же утро, послѣ обнаруженнаго свиданія съ Наденькой, онъ отправился верстъ за десять отъ города, въ деревню, къ знакомому крестьянину, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ поохотиться, гдѣ и пробылъ трое сутокъ.

Вернувшись съ богомолья, Анна Платоновна, рано утромъ, побрела на базаръ. Старушка еще ничего не знала о случившемся во время ея отсутствія; но, конечно, она тотчасъ же будетъ увѣдомлена и узнаетъ все до малѣйшихъ подробностей.

Племянникъ, между тѣмъ, задумчиво ходилъ по комнатѣ; простывшій стаканъ чая грустно ожидалъ своего потребителя, который вовсе забылъ о немъ.

Скрипъ отворившейся двери заставилъ его оглянуться.

Въ комнату вошла Анна Платоновна.

Племянникъ, взглянувъ на тетку, внезапно изумился.

Старушка казалась раздраженной. Лицо ея было гнѣвно нахмуренное: голова и руки дрожали; отъ внутренняго волненія, она не могла молвить ни слова. Она поглядѣла на племянника сосредо-

точенно и укоризненно покачала головой.

— Тетя, что съ вами? — робко спросилъ онъ, догадываясь, въ чемъ дѣло.

— Грѣховодникъ ты, безсовѣстный! воскликнула старушка дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

Племянникъ молчалъ.

— Я, помолившись то, думала къ радости вернуться, — разразилась она, — а ты мнѣ вотъ какую радость приготовилъ! Ай-да племянникъ!.. хорошо тетку утѣшилъ и отблагодарилъ за всѣ ея заботы, за всѣ горести и попеченья... Покорно тебѣ благодарствую!

Тотъ не могъ возражать.

— Да наше ль это дѣло?! — продолжала она вопросительно, съ укоризной. — Пристало-ль намъ этими глупостями заниматься?!.. Стыдно, стыдно! грѣшно!.. Объ томъ надо-бы заботушку имѣть, какъ бы въ добромъ порядкѣ жизнью устроиться...

— За что вы сердитесь, тетя? спросилъ онъ, стараясь чтобы разгнѣванная старушка скорѣй выговаривалась и кончила эту тяжкую сцену. — Что за причина?

— А та и причина, что не притворяйся скромникомъ, не лицемѣрь. Коли ты дѣйствительно тихъ и кротокъ, — будь такимъ неизмѣнно. Кроткому — честь и хвала! А ты на-ко-сь—вотъ! только что прибылъ на родину, на весь городъ хуже нѣтъ, обславился. Мнѣ, изъ-за тебя, теперича, хошь глазъ на улицу не показывай... Только давича изъ воротъ вышла, гляжу — навстрѣчу торговка Власьевна валитъ. — „Ну, матушка, - ехидствуя, обращается она ко мнѣ съ привѣтствіемъ, — хорошъ твой ученый племянничекъ то!" — „Такъ и такъ", говоритъ... и начала, какъ по писаному, отлепортовывать такую ахинею... тьфу!— не пристало-бъ старухѣ и слышать то про это. — Ну, думаю, совсѣмъ спятила моя Власьевна!—Врешь, говорю.—И вымолвить не успѣла я ей въ отпоръ, откуда ни возьмись дьячиха Арина Матвѣвна подскочила: «Проздравляю, кричитъ, съ радостью... съ великою!» Отбрыкалась отъ нихъ—батюшки-свѣты!—Яковъ Дементьичъ, подъячій и сводчикъ, что есть духу летитъ. Ужъ онъ мололъ, мололъ! «О! говоритъ, съ такой прахтикой вашъ племянникъ богатство солидное

загребетъ, всякой удачи достигнетъ!» Тутъ ужъ я не вытерпѣла: «До твоихъ двухъ, говорю, все-таки ему не дойти. У тебя извѣстныя двѣ удачи! дуракъ да дурачина!»

— Тетя! твердо и открыто началъ Пчельниковъ, выслушавъ тетку, рѣчь которой болѣзненно щемила его сердце: я не стану передъ вами оправдываться,— вы не вникнете въ мои доводы. Но вѣрьте честному слову: не такъ я виноватъ, какъ вамъ кажется. Есть нѣкоторыя отношенія —толпа клеймитъ ихъ позоромъ, бросаетъ грязью; но сами по себѣ эти отношенія, подверженныя тяжкому нареканію и презрѣнію, невольны... Вы только войдите въ положеніе этой несчастной женщины...

— Хороша несчастная,— съ непріятной усмѣшкой возразила Фирстова,— на этакую штуку отважилась!

Эти слова непріятно кольнули лѣкаря. Онъ увидалъ, что входить съ теткой въ дальнѣйшія объясненія, на эту тему— безполезно, и сказалъ ей спокойнымъ, не допускающимъ возраженій, голосомъ:

— Довольно, тетя! не будемъ больше говорить объ этомъ. — Я васъ попрошу

собрать мое платье и бѣлье, а самъ займусь связкой книгъ.

— Ты это что-жъ задумалъ?! воскликнула Анна Платоновна, изумленно взглянула на племянника: потомъ, значительно понизивъ голосъ робко спросила:— ужъ ты, Сережа, соскучимшись, не хочешь ли съ теткой разстаться?

Племянникъ сообщилъ ей о своемъ отъѣздѣ и о томъ, что онъ уже нашелъ ямщика, который прiѣдетъ за нимъ черезъ часъ.

Старушка не ожидала такой скорой разлуки съ своимъ любимцемъ. Гнѣвъ ея сразу утихъ.

— По крайности, обожди до вечера.— обратилась она къ нему просительно.— Вечеркомъ-то—незамѣтно,—все оно лучше... уѣхать отсюда.

При этой предупредительности заботливой тетки, племянникъ грустно поникъ головой.

— Да ты здоровъ ли, Сережа? сердобольно освѣдомилась она, послѣ небольшого молчанiя, стараясь уловить откровенный взоръ племянника.

— Ты не скрывай, пожалуйста, — замѣтила старушка почти шопотомъ.— ты

вѣдь скрытный, сносливый... А мнѣ все будетъ думаться... Стану я тосковать... Пожалѣй меня... Въ народѣ-то говорятъ, будто Бахваловъ...

— Боже мой!.. Что еще?! произнесъ онъ громко, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидая услышать то, что должно возмутить его душу.

— Я и сама не вѣрю, поспѣшила объяснить Анна Платоновна, а статься можетъ: человѣкъ онъ суровый... самодурный...

Ужъ ты, голубчикъ, не растревоживайся!.. А вся суть въ томъ, будто онъ, изъ-за жены-то, по-свойски съ тобой?.. Неужто вправду?

— Фу, гадость!.. Не вѣрьте,—неправда... прошепталъ лѣкарь, съ чувствомъ сдерживаемой злобы, толкнувъ ногою стулъ и подходя къ окну.

Онъ отвернулся отъ окна и, не глядя на оторопѣвшую старушку, промолвилъ и нѣжно и сурово:

— Прошу васъ: бросить безъ вниманія эти непріятные толки и сплетни и поскорѣе собрать мои пожитки.

— Сейчасъ, сейчасъ, Сереженька! Не сердись, прошу тебя, ежели я по-старо-

сти, либо по глупости... Ну-ну! извини!
и она торопливо вышла изъ комнаты.

— «Вотъ, наконецъ, до чего дошло!» почти вслухъ думалъ Пчельниковъ, присѣвши на стулъ и понуривъ голову, какъ бы испытывая на себѣ чувство нравственнаго утомленія. — «Теткѣ уже совѣстно пройти по улицѣ; въ городской толпѣ открыто болтаютъ, что я избитъ оскорбленнымъ и ожесточеннымъ мужемъ... Пусть фантазируютъ про меня, что угодно... Но вѣдь женщинѣ хочется жить; ей тягостна безотвѣтная приниженность. Несчастная предполагаетъ, что я могу спасти ее, рѣшается просить моей помощи — и я оказываюсь въ положеніи негодяя!

Пчельниковъ порывисто вскочилъ съ мѣста и такъ размашисто зашагалъ по комнатѣ, что, наткнувшись на входящаго Погостова, чуть не сшибъ его съ ногъ.

ГЛАВА VI.

Дружеская бесѣда.

Пріятели поздоровались.

— Гдѣ ты пропадалъ?—спросилъ учитель.—Я вѣдь приходилъ къ тебѣ вчера и третьеводни.

Пчельниковъ сказалъ, что эти дни онъ провелъ за городомъ, на охотѣ.

— Ну, братъ, Сережа, напрасно ты вздумалъ возобновить прежнія отношенія...

— И ты уже узналъ?! чуть не вскричалъ Пчельниковъ, на-ходу, съ нескрываемымъ озлобленіемъ въ голосѣ.

— Помилуй, дружище, кому-жь это неизвѣстно?—Весь городъ говоритъ объ этомъ. Но, если бы ты послушалъ все, что говорятъ? Будь ты самъ въ сторонѣ этого дѣла, или, лучше сказать, не касайся, и тебя эта „злоба дня", и ты невольно согласишься, что удивительно, удивительно остроуменъ людъ особенно

въ обсужденіи случаевъ подобнаго свойства. Конечно, все это немножко тривіально, отчасти—грязненько, даже крайне неприлично, но за то—какъ удивительно мѣтко, можно сказать, артистически—безъискусственно!

Чувство омерзѣнія уже клокотало въ груди лѣкаря.

— Brutus et tu contra meo?! *) болѣзненно простоналъ онъ, возражая Погостову.

Тотъ, пораженный колкой укоризной, хмуро потупился.

Пчельниковъ продолжалъ задумчиво сновать изъ угла въ уголъ.

— Сережа! да что ты мотаешься взадъ и впередъ. — Сядь ка со мной рядкомъ, поговоримъ ладкомъ, душа въ душу; забудемъ хоть на короткое время, невеселую для обоихъ дѣйствительность и перенесемся въ наше хорошее, свѣтлое прошлое.

Погостовъ крѣпко схватилъ лѣкаря за руку и усадилъ его передъ собой.

*) „Другъ и ты противъ меня?!"

Тогда завязалась между ними порывистая, торопливая бесѣда, — нужно было пользоваться послѣдними минутами свиданія.

ГЛАВА VII.

На разставаньи.

Вскорѣ пріѣхалъ нанятый лѣкаремъ ямщикъ.

Анна Платоновна засуетилась и не допуская до пожитковъ племянника, ни его самого, ни работницу, сама стала выносить вещи.

Когда укладка вещей была окончена, старушка вернулась въ комнату.

Племянникъ чрезвычайно удивился, увидѣвъ тетку въ дорожномъ платьѣ.

— Куда же вы собрались, тетя? — спросилъ онъ.

– А ты довези меня до Воронова, просительно отвѣтила Анна Платоновна. — Мнѣ давно хотѣлось съ кумомъ Минаемъ Агеичемъ повидаться; вотъ, кста-

ти, и я доѣду съ тобой, чтобъ въ другой разъ особо не тратиться. Тебѣ-же тамъ придется переночевать, вѣдь до Воронова только ужъ поздно вечеромъ доберешься.

Племянникъ, въ отвѣтъ на такую заботливость тетки, обнялъ и горячо поцѣловалъ, потому что видѣлъ, что ей хотѣлось хоть на нѣсколько часовъ отсрочить печальную минуту разлуки съ нимъ.

— Ну, я сейчасъ, тетя,—промолвилъ онъ,—ступайте, садитесь.

Старушка вышла.

— Послушай, Илья Ильичъ,—сказалъ лѣкарь взявъ учителя за руку,—я хочу попросить тебя, на разставаньи, о маленькомъ одолженіи.—Ты вѣдь знакомъ съ Бахваловымъ?

— Когда встрѣтишь Надежду Алексѣевну передай ей мое „прости" и скажи, что я уѣхалъ отсюда навсегда. Какъ мнѣ не жаль ее, но улучшить ея жизнь я не въ силахъ. Пребываніе мое здѣсь увеличило бы ея страданіе. Скажи, однако, что я желаю ей быть счастливой...

При послѣднихъ словахъ лѣкаря, лицо

Погостова искривилось злобной усмѣшкой.

— То есть, ты желаешь ей быть умной...

— До шутокъ-ли, Илья Ильичъ? возразилъ Пчепьниковъ, посмотрѣвъ съ удивленіемъ на учителя.

А ты развѣ не шутишь, не глумишься надъ, несчастной, желая ей счастія... когда оно невозможно?

— Полно, пожалуйста! тихо возразилъ лѣкарь, пристыженно отвернувшись отъ товарища, Онъ и самъ сознавалъ, что желать счастія полуубитой женщинѣ, счастіе которой заключалось въ немъ самомъ, все равно, что насмѣхаться надъ ея страданіями и добивать ее окончательно.—Ну, мнѣ пора, прощай! - произнесъ онъ, послѣ раздумья, и хотѣлъ обнять учителя.

— Прощай, голубчикъ! произнесъ онъ своимъ обычнымъ, задушевнымъ голосомъ.—Извини, однако, мою странность. На меня часто находятъ такія минуты недовѣрія, когда все кажется въ темномъ цвѣтѣ. Должно-быть, желчь не въ порядкѣ...

Пріятели вышли изъ комнаты.

— А ты, Сережа, ничего мнѣ не пожелаешь? спросилъ Погостовъ уже на крыльцѣ.

— Изволь,—сказалъ Пчельниковъ, остановившись.—Вотъ тебѣ мое душевное пожеланье: если можешь, — не пей водку.—Прощай!

Въ послѣднiй разъ пожавъ руку учителя, Пчельниковъ сѣлъ въ телѣгу.

Въ отвѣтъ на „душевное пожеланье". Погостовъ грустно усмѣхнулся.

Онъ проводилъ долгимъ взоромъ удаляющуюся телѣгу и, опустивъ голову, тихо побрелъ домой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Листопадъ.

ГЛАВА I.

Тайная бесѣда.

Въ полутемной комнатѣ, въ которой теплится лампада зеленаго стекла и полосою падаетъ на полъ, черезъ открытое окно, бѣлый лунный свѣтъ, находятся два безмолвныхъ и какъ-бы безжизненныхъ существа—то Надежда Алексѣевна, блѣдная, въ полузабытьи, изнеможенно склонившаяся на подушку къ спинкѣ кресла; сбоку, у ея ногъ, на коврѣ, неподвижно понурый, сидитъ Конычъ, дальній родственникъ купца Бахвалова.

Конычъ преждевременно одряхлѣвшій старикъ: выглядитъ загнаннымъ, изне-

моженнымъ, нравственно забитымъ существомъ.

„О жизни покончен вопросъ“,—видимо, мыслитъ старикъ и ждетъ, безъ тревогъ, воздыханій и напрасныхъ сожалѣній, момента резолюціи, когда ему предстанетъ близкій и неизбѣжный исходъ жизни.

Воздухъ теплый, тихъ, не шелохнется; порою слышатся отдаленные удары въ сторожевую чугунную доску.

Коннычъ приподнимаетъ свою понурую голову и долго глядитъ въ лицо больной, затѣмъ тихо молвитъ:

— Надя!.. Наденька!.. ты не спишь?.. Каково тебѣ? лучше ль, болѣзная?

— Лучше, Конычъ, лучше,—отвѣчаетъ она съ тяжкимъ вздохомъ.

— Ну, и слава Богу! радуется старикъ.

Спустя минуту, больная произноситъ въ какомъ то созерцаніи:

— Все тише, тише разсвѣтаетъ...

— Гдѣ разсвѣтаетъ? что ты! — изумляется Конычъ: еще только ночь наступила; далеко до разсвѣту. Посмотри, Надя, какъ тамъ, въ небесахъ, хорошо. Вонъ — звѣздочка съ неба скатилась...

Гдѣ-то она упала?.. Знать, кто-нибудь Богу душу отдалъ, — вотъ его звѣзда и потухла.

Больная глядитъ въ открытое окно и говоритъ раздумчиво:

— Какіе-то тамъ, въ ночной темнотѣ, просвѣты мелькаютъ... Что-бы это, Конычъ? Ты видишь?

— Вижу, Надюша... То ангелы небесные тихо по небу витаютъ, въ бѣлыхъ ризахъ—поясняетъ старикъ.

Снова длится молчаніе.

— Конычъ! что *тамъ* будетъ? обращается она къ собесѣднику.

— У Бога-то? быстро спрашиваетъ онъ.

— Да, у Бога... въ будущей жизни?..

— Всякому по дѣламъ его воздается. Тебѣ хорошо будетъ. Твою душу нѣжный тихій ангелъ въ объятья возьметъ и съ нею въ рай улетитъ. А въ раю-то— благодать! Тамъ нѣтъ ни времени, ни печали, ни воздыханій, — но жизнь въ Богѣ, блаженная, безмятежная, безконечная...

— Почемъ ты знаешь, Конычъ?.. А если не будетъ ни покоя, ни забвенія!.. или—только тишина, безмолвіе?..

— Надя! Надя! - со страхомъ успокоительно возражаетъ старикъ. Вспомни: „Пріидите ко Мнѣ“...

И онъ благоговѣйно смолкаетъ, возведши взоръ на икону Спасителя, съ благословляющей десницей.

— Что ты сказалъ!—болѣзненно всхлипываетъ она, опуская рѣсницы.

— Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы.

— Грѣшница! грѣшница! — покаянно звучитъ ея голосъ.—Какія великія слова я забыла!

— Конычъ, я теперь много такихъ словъ вспомнила. Мнѣ легче, отраднѣй...

— Помоги тебѣ Богъ! - И мнѣ съ тобой, легче, отраднѣй... Давича меня мраки обуяли,—теперь отошли... разсудокъ прояснился... только, все таки, нѣтъ-нѣтъ, опять нахлынутъ — и вдругъ затмѣніе найдетъ, весь разумъ потеряешь... Да тебѣ, вижу, уснуть хочется?

— Мнѣ спать не хочется, но—чувствую... я скоро усну. Встань и простись со мной.

— Ну, спи покойно, почивай моя крошечка!.. да будетъ ангелъ-хранитель надъ тобой!..

Онъ приподнимается цѣлуетъ ее въ лобъ и темя, долго креститъ надъ ея головой и благоговѣйно шепчетъ краткія молитвы, затѣмъ опять садится на прежнее мѣсто, возлѣ кресла больной.

— Надя! взываетъ вдругъ съ улыбкою старикъ, видимо, съ намѣреніемъ чѣмъ-нибудь разсѣять больную и отогнать отъ нея тягостныя думы.

Пробужденная, она склоняетъ голову въ его сторону и глядитъ на него, выжидая, что онъ хочетъ сказать.

— Знаешь, голубка, молвилъ онъ,— ты на покойницу Катю похожа. Я давно замѣчалъ, да все неясно, словно не вдомекъ. Но вотъ — какъ будто въ разумъ вошелъ — смотрю: живая предо мной покойница. Катя сидитъ. Въ тебѣ вижу ее.

— Про какую Катю ты говоришь? кто она? спрашиваетъ Надежда.

Тогда Конычъ начинаетъ свой задушевный разсказъ.

ГЛАВА II.

Сиротина—Катя.

— Катя — эта дѣвушка была, круглая сиротинка. Опекунъ ее обманулъ, потомъ бросилъ. Ребенокъ у ней родился. Дѣваться некуда, въ услуженье не берутъ. Жить нечѣмъ. Изъ угла, съ койки, квартирная съемщица гонитъ... Какъ быть?— Надоумѣли ее: существуетъ, вишь, такой промыселъ, — и рукъ не прикладывай, деньги сами придутъ. А жить-то надо, пить-ѣсть хочется... Ребенокъ плачетъ... Мальчуга то, впрочемъ, вскорѣ померъ, руки развязалъ. Махнула бѣдняжка рукой—и обрекла себя на людскую потѣху. Дѣло въ ходъ пошло. Стала Катенька въ шелку да въ бархатцѣ щеголять, въ брилліантовыхъ серьгахъ, да въ золотыхъ

браслетахъ красоваться. Ну, словомъ, все бы, кажись, хорошо и ладно, да та бѣда—выходитъ не складно: золото снаружи блеститъ, а на душѣ свербитъ—черезъ золото слезы льются, сердце тоскуетъ. Золотомъ, вѣстимо, грязи не отмоешь; а тѣло отъ грязи и подъ бархатомъ нестерпимо зудитъ.—Да ты слушаешь ли меня, Надя?

— Слушаю... продолжай. Конычъ!

Можно сказать, хорошимъ человѣкомъ считался.—Какъ-то невзначай и закружился съ пріятелями. Завезли они меня куда-то къ своимъ знакомымъ: тамъ и познакомился съ Катей. Вижу—дѣвушка пріятная такая, хорошая: лицо бѣлое, румянецъ на щекахъ. Сердце у меня такъ и застучало... Поѣхали кататься... всю ночь прочудили... На утро—гляжу, не узнаю... Колеръ-то у нея поблекъ,—пудра и румяны осыпались... Сидитъ она блѣдная, кроткая, печальная... по щекамъ слезы струятся... И говоритъ она мнѣ: „Человѣкъ вы добрый, хорошій, не губите себя! пожалѣйте!" Отъ ея укоризны и жалости ко мнѣ, сердце во мнѣ всколыхнулось, я и голову потерялъ, молчу. А она пуще скорбитъ:—„Если не

насъ, падшихъ, смотрятъ съ презрѣні-емъ, такъ развѣ намъ не жалко тѣхъ людей, которые могутъ подпасть къ этой-же участи?.. Не умѣла я беречь себя, и вотъ—терплю жизнь постылую, позорную... Но попытаюсь все таки измѣнить ее; продамъ свои вещи, наряды, переправлюсь въ Москву; наймусь въ работницы, буду кормиться честнымъ трудомъ, потому что теперешній хлѣбъ мнѣ въ душу нейдетъ, — и сладкій кусокъ отзывается горькимъ. Я не вижу никакой радости,—меня совѣсть мучитъ... отъ стыда и скорби, я и во снѣ не вижу спокойствія". Услыхавъ ея рѣчь прямую, искреннюю, отъ чистаго сердца, въ сердце, меня кольнуло... не знаю, что со мной вдругъ сталось! — Точно въ разумъ вошелъ, прозрѣлъ духовно. Себя не помня, бросился къ ней, ручки цѣловать да слезно вопить: ,,Голубушка! не разстанусь я съ тобой! Смыла ты съ себя невольный позоръ своими слезами покаянія! Честная чистая!.. Будь моей подружкой! согласись быть моей женой законной!"—Она тоже руки мои цѣлуетъ, и плачетъ, и стыдится, и улыбается... Надя! а!?.. Какова минутка-то!

счастья-то сколько! . Она, милка, въ радости, личико свое на груди моей спрятала, плачетъ и трепещетъ... Милка моя, гдѣ ты?!..

При этомъ Конычъ, уткнувши голову въ колѣни, самъ нервно дрожитъ и всхлипываетъ...

— Вы любили другъ друга, знали счастье и радость!—произноситъ тоскливо больная,—а я... несчастная...

— Да, да, знали,—радуется Конычъ,— И что это за дѣвушка была?.. Скромная, любящая... Повѣнчались тутъ-то я спозналъ, какъ жизнь бываетъ отрадна. Но недолго вмѣстѣ намъ пожить довелось, — полтора годика, какъ денекъ одинъ. И прошелъ этотъ день ясный, радостный, какъ въ пору весеннюю, красную. Но вотъ—настала осень. Стали листья на деревьяхъ желтѣть и опадать. Вижу—и она, милка, блѣднѣетъ, чахнетъ... потомилась такъ-то... слегла, изнемогла... и померла. Помню я эту минуту, роковую разлуку вѣковѣчную! Благословила меня... поцѣловались... Взглянула мнѣ въ глаза сурово, потомъ улыбнулась...—Гляжу на нее—голубчика!—она померла.

— Что это было! восклицаетъ Конычъ, рыдая. Эхъ, Надя, Надя! зачѣмъ я сталъ разсказывать! Болитъ у меня душа,— а кому какое дѣло до чужаго горя и страданія.

Больная, положивъ руку на его плечо, приникла къ нему головой.

— Да, когда хоронилъ-то я ее,—продолжалъ старикъ свою житейскую повѣсть,- день былъ сумрачный, дождь моросилъ, вмѣстѣ со снѣгомъ... Вѣтеръ и слякость... На меня, вишь, прохожіе смотрятъ, пальцами кажутъ, какъ я за гробомъ-то по грязи плетусь, словно совсѣмъ хмѣльный или вовсе безумный... Вѣтеръ волосы мои рветъ, въ лицо частымъ дождичкомъ сѣчетъ. Я сердобольныхъ людей не вижу, ничего не чувствую, себя не сознаю, иду, всю-то улицу громкимъ голосомъ взываю, рыдаю: „встань: пробудись, моя любушка! не покидай меня, горемыку-сиротинку". Помнится, впереди пѣвчіе шли, пѣли... Я имъ сталъ подпѣвать, вотъ такъ: „со свя-ты-ими"...

— Коныч! Коныч! что ты! восклицает Надя, прерывая его печальный напѣвъ: ты уже хоронишь меня... Я еще жива... Помедли... О, ради Бога, погоди! Я жить хочу!

ГЛАВА III.

Не отъ міра сего.

— Прислушайся, Конычъ! въ тихомъ восторгѣ говоритъ Надежда: какіе звуки... чудные... божественные... Какъ будто ангелы небесные поютъ—зовутъ меня...

— Да вѣдь это, Надя, я ужъ говорилъ тебѣ, учитель Илья Ильичъ на скрипкѣ играетъ. А пріятно его и послушать, особливо что грустное: сердце заноетъ, душа замретъ... вздохомъ искреннимъ такъ-бы и отлетѣлъ въ высь поднебесную... въ міръ надзвѣздный—то то благодать!

— Скоро, скоро,—едва слышится ея

голосъ,—наступятъ минуты, когда пробьетъ послѣднiй часъ... Смерть близка. О, еслибъ жизнь не покидала!.. Какiе звуки!.. Хорошо, отрадно... Боже!.. отврати мои страданiя!.. Еще... хоть немного... дай мнѣ пожить... Ахъ, какъ тяжко разставаться!.. Но что предстоитъ за гробомъ?!.. Боже! милостивъ буди!

— Надя! положи свою ручку мнѣ на голову! прерывисто и умоляюще проговорилъ Конычъ, въ которомъ явилась вдругъ какая-то странная перемѣна, и онъ уже шепчетъ, дрожа всѣмъ тѣломъ:—страшно мнѣ! страшно!

Онъ нервно схватываетъ ея руку и кладетъ къ себѣ на темя: вдругъ въ испугѣ отводитъ руку прочь, говоря:

— Что у тебя за холодная рука... Какъ ледъ! Прикрой свои ручки, болѣзная,—ты зябнешь!..

Между тѣмъ онъ самъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ и говорилъ прерывисто:

— Надя, а вѣдь со мной недоброе что то дѣется!.. Смута въ мысляхъ, разумъ темнѣетъ... Окутываютъ меня... словно обручъ желѣзный у меня на головѣ... Боже! помилуй мя!—восклицаетъ онъ, въ

отчаяніи, обѣими руками плотно сжимая свою голову въ вискахъ.

Больная продолжаетъ вслушиваться.

— Откуда къ намъ столько птичекъ налетѣло?—обводя удивительнымъ взоромъ вокругъ, радостно восклицаетъ больная.—Какія хорошенькія!.. милочки! летите, летите ко мнѣ!..

Вдругъ—какъ-бы недоумѣваетъ:

— Кто это?.. Кто къ намъ вошелъ? Тятенька! - это вы?!. А вонъ и братъ Коля... Навѣрное, братецъ, это ты, игралъ на скрипкѣ?.. Родные мои! дорогіе!.. Какъ я вамъ рада!.. вы навѣстить меня пришли... Подойдите же ко мнѣ... ближе... Здравствуйте!..

На лицѣ ея—улыбка: на щекахъ - блѣдно-розовый румянецъ, въ видѣ округленныхъ лепестковъ розы: глаза полуоткрыты, неподвижны; голова припала къ подушкѣ.

— Не тоскуй-же, Наденька, не тоскуй, полно! успокоиваетъ старикъ, съ опущеннымъ взоромъ, свою смолкшую собесѣдницу.

Между тѣмъ, Надежда была уже „не отъ міра сего“: мертвенная блѣдность покрыла ея лицо, которое приняло выраженіе „бѣзболѣзненнаго“ спокойствія.

Казалось, это былъ тихій сонъ ребенка.

ГЛАВА IV.

Спящая жена.

Уже далеко за полночь возвращается домой Бахваловъ, послѣ хорошей пирушки у градскаго головы Кузьмы Демидыча. Онъ направляется въ комнату жены, чтобы узнать объ ея здоровьѣ. Его сопровождаетъ молодецъ съ зажженной свѣчей, которую, по приказанію хозяина, поставивши на столъ, немедленно уходитъ.

Бахваловъ остановившись, въ широкой позѣ, посреди комнаты, обращается съ насмѣшкой къ спящей женѣ!

— Поклонъ посылаетъ тебѣ твой другъ милый. Онъ, теперича, гляди въ Дубкахъ дожидается, стоскавался. Небось, надоть бы къ нему понавѣдаться. Чего жъ здѣсь то прохлождаться? Погуляли-бъ... а ужъ я не сталъ-бы за вами, по онамеднишнему, ухаживать, да на васъ изъ-за кустовъ любоваться: любуйтесь ужъ вы то другъ съ дружкой. Однако-съ, дружокъ твой, оказывается, парень не тумакъ: взялъ кушакъ да шапку въ охапку—и драло! Значитъ, смекнулъ вовремя, покедова мы его по свойски не спровадили. Небось, жалко тебѣ его, сердешнаго?.. Что жъ молчишь. Говорить со мной не желаешь? Ну, не надо, не нуждаюсь.— Ты себѣ дружка нашла: подыскалъ и я себѣ подружку: личико—яблочко; рученьки—калачики; ндравъ, веселый, обхожденье любезное, разговоръ занятный. — Такъ вотъ, слушай. Завтра-же мою любушку въ свой домъ приглашу: пиръ сдѣлаю, самъ съ ней за столомъ буду сидѣть, а тебя заставлю прислуживать. Опосля, чтобъ вдосталь потѣшиться, плясать стану,—вотъ такъ...

Затянувъ пѣсенный напѣвъ, онъ вы-

дѣлываетъ плясовыя движенія ногами, прищелкивая пальцами.

— Ну, а ты, принцесса! что больно важно разсѣлась въ мягкомъ креслѣ? Здѣсь для тебя нѣтъ мѣста,—ты недостойна. Быть тебѣ въ кухнѣ, за печкой, съ тараканами вмѣстѣ... Пошла!!..

— Тссс! тссс!.. не тронь, не тронь, Кирюшка!—быстро вскочивъ съ полу и вытянувъ впередъ свои костлявыя, сухія руки, останавливаетъ его Конычъ.—Не тронь.—Надя успокоилась, уснула.

— Я васъ разбужу! — зло молвитъ хмѣльный Бахваловъ и быстро подходитъ къ безмолвной женѣ, грузно касается рукой ея плеча, повторяя возгласъ:

— По-шла!! но самъ, какъ подъ жестокимъ ударомъ, внезапно изумленъ: робко глядитъ ей въ лицо; судорожно вздрогнувъ, съ ужасомъ отступаетъ и шепчетъ:

— Господи... помилуй!.. пощади!

— Хлопни, Киръ, себя по затылку, хлопни! — усмѣхается Конычъ; потомъ изображая руками, будто подыгрываетъ на балалайкѣ, припѣваетъ:

«Какъ у нашего Кирюшеньки
Бѣлы ручки опустилися,
Ясны очи помутилися,
Чистъ рѣчистъ языкъ въ зубахъ за-
вязъ»!

На выходку его Бахваловъ не обращаетъ вниманіе, задумчиво молчитъ; онъ, медленно и тихо близится къ женѣ, и размышляетъ вслухъ:

— Можетъ... почудилось?.. аль дурнота, слабость? болезненный сонъ... истома... Надя! Наденька! а?!.. уснула, знать?

Трогаетъ ее слегка за руку и опять съ ужасомъ отступаетъ.

— Рука—холодная, молвилъ онъ, съ удушьемъ въ голосѣ.—Неужто... мертва? неужто.. бездыханна?

Въ страхѣ озираясь, ступаетъ два—три шага, потомъ бѣжитъ, какъ отъ погони, за дверь, гдѣ слышится его голосъ:

— За докторомъ! за докторомъ! скорѣй!.. н—ну, живо!.. Отыщите его, гдѣ бъ онъ ни былъ, везите стремглавъ!.. Аптекаря тащите, чтобъ, минуты не мѣшкая, со всѣми лѣкарствами былъ здѣсь на лицо. За всю аптеку его деньги заплачу!

ГЛАВА V.

Позднія раскаянія.

Бахваловъ, съ поникщимъ взоромъ, тихо входитъ въ комнату и останавливается у двери. Онъ блѣденъ: хмѣля какъ не бывало.

— Надя! прости меня!—рѣшается онъ промолвить, послѣ нѣкотораго промежутка времени, будучи подъ гнетомъ тяжкихъ ощущеній.

— А?! что?!.. Отчего, ты Кирюшка, вопишь? тревожно спрашиваетъ его изумленный Конычъ и затѣмъ прислушивается.

— Взялъ я тебя, неровнюшку,—покаянно исповѣдуется передъ безмолвной женой суровый мужъ, взялъ себѣ—на тоску и страду, тебѣ—на скорбь и досаду... а вѣдь любилъ!.. Вѣришь ли любилъ?!!.. Опомнись, сердешная, пробудись!

Ударяя себя съ чрезвычайной силой въ грудь, порывисто идетъ къ старику, готовый задушить его своимъ шопотомъ.

— Вѣдь я любилъ ее. Конычъ, крѣпко любилъ!—и схватываетъ его, въ экстазѣ, за одежу подъ горломъ. - А вы меня мучителемъ называли!.. Я самъ тосковалъ и мучился!..

Старикъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ...

— Послушай, безумный?—въ припадкѣ отчаянія и озлобленія, шипитъ сквозь зубы Бахваловъ: знаешь-ли ты: мнѣ то обидно было,—пойми ты старикъ!—что она меня не любила... Врагъ лукавый мутилъ... душонка моя дряблая не сносила, злоба въ сердце въѣдалась...

Онъ отпускаетъ изъ своихъ рукъ старика и робко взглядываетъ на жену.

— Надя, голубушка, проснись! пробудись!.. хошь не надолго... Молви слово прощеное!.. Не вяжи ты мою душу!

Но непробудно-спящая не дастъ отвѣта.

— А?! не слышишь?!.. замолкла навѣкъ!.. Несчастный я, несчастный?

Онъ долгое время скорбно молчитъ;

потомъ самъ къ себѣ обращается съ безпощаднымъ укоромъ:

— Эхъ ты, пень старый! дурень осовѣлый! безумецъ! раньше бъ за разумъ схватиться!.. Не берегъ ты счастья дорогого во время, теперь сокрушайся казнись о потерянномъ... да не воротишь! Поздно спокаялся.

Падаетъ грузно на колѣни.

— Прости и отпусти мнѣ вся вольная и невольная... Прими мое раскаяніе, Господи.

ГЛАВА VI.

Мраки ума.

— Катя! Катенька! теряя память, взываетъ Конычъ, подошедши къ Надеждѣ и тряся ее за руку. Дайте... тамъ, на окнѣ... сткляночку съ лѣкарствомъ... спирту, спирту!.. Откройте окна... Не плачьте, молитесь, молитесь!

Схватившись руками за голову, онъ безсильно припадаетъ къ полу, возлѣ кресла, у ногъ Надежды...

Бахваловъ громко зарыдалъ.

— Тише ты, Киръ, тише! - замѣчаетъ ему Конычъ:—перестань плясать, оставь пѣсни пѣть... Моя крошечка, милка уснула, тихо успокоилась... ты разбудишь мою Катеньку.—Вчера ей нечего было ѣсть,—она пошла куда то... и кучу денегъ принесла... умненькая! Два купчика насильно заставили ее выпить вина—и потомъ шутили, хохотали... когда она, пьяненькая, плакала, рыдала... Люди добрые! помо-

гите!.. Что это со мной? — темнѣетъ... опять мраки ума... Свѣту! дайте свѣту!

Онъ нервно дрожитъ и почти теряетъ сознаніе.

Бахваловъ съ трудомъ приподнявшись съ колѣнъ, машетъ рукой, говоря:

— Ну, и этотъ бѣдняга тоже, кажись, совсѣмъ „на липочкѣ" держится... Все въ разстрой пошло... Надоть кликнуть молодцовъ, чтобъ взяли отсюда старика, да убрали на эту пору куда-нибудь...

По его зову, двое вошедшихъ молодцовъ, приступаютъ къ исполненію хозяйскаго приказа.

— Никонъ Конычъ, — взявъ его подъ руку, говоритъ одинъ изъ молодцовъ, — встаньте, пойдемте съ нами... Хозяинъ велитъ, чтобъ вы не мѣшались тутотка...

Старикъ, охая, что-то безсмысленно бормочетъ, не будучи въ силахъ подняться съ полу. Съ Конычемъ произошелъ страшно-болѣзненный кризисъ; его языкъ былъ временно парализованъ, равно какъ рука и нога, и самая мысль лишена уже была здравыхъ понятій, которыми овладѣли „мраки ума".

— Какъ это вамъ не грѣшно, — замѣчаетъ ему другой молодецъ, — не могли

вы воздержаться при теперешней грустной оказіи!..

— Да нешто онъ пьянъ? спрашиваетъ Бахваловъ.

Молодецъ, наклонившись, говоритъ:

— Никонъ Конычъ, дыхните-ка съ!

Бумъ бумъ бумъ! — безумно произноситъ тотъ въ отвѣтъ.

— Не пахнетъ-съ, словно-бы,—докладываетъ молодецъ.

— Надо быть, совсѣмъ разсудкомъ умопомрачился, — замѣчаетъ другой. — Прикажите, хозяинъ, вынесть его отседа?

Но не успѣлъ Бахваловъ высказать своего рѣшенія, какъ въ полуотворенную дверь, не переступая порога, выглянулъ, съ озабоченнымъ лицомъ, старикъ Гаврилычъ, главный прикащикъ Бахвалова, вызывая его мановеніемъ руки.

— Киръ Лукичъ, пожалуйте-съ,—произнесъ онъ тревожнымъ шопотомъ, нужно-съ! экстренное дѣло есть...

Бахваловъ безпокойно и досадливо вышелъ за дверь.

ГЛАВА VII.

Бѣда за бѣдой.

— Что надоть? сурово спрашивалъ хозяинъ.

— Бѣда, невзгода поголовная! взываетъ прикащикъ.

— Какая тамъ еще невзгода? — И безъ того напасть въ дому тяжкая: жена, совсѣмъ какъ безъ дыханья... мертва и холодна.

— Такъ упредить бы... священника пригласить. Часу смертнаго никто не избѣгнетъ, особливо въ хворости. — Коль дозволите, я распоряжусь.

— Да, да, не медля, скорѣй...

Прикащикъ поспѣшно уходитъ.

Бахваловъ, присѣвши къ столу, склоняетъ голову на руки и остается въ глубокомъ раздумьи.

Спустя двѣ-три минуты, Гаврилычъ, вернувшись обратно, такъ выражаетъ свою скорбь передъ хозяиномъ:

— Вотъ еще пущая бѣда то! Вѣдь Арина Минаевна, теперича, по рядной-то записи все до-чиста стребуетъ!

— Батюшки свѣты! что-жъ это?! разума рѣшился! — въ отчаяніи, страшно измѣнившись въ лицѣ, произноситъ Бахваловъ.—Какъ обухомъ по лбу!—Пятьдесятъ тысячъ чистоганомъ, приданнаго на двадцать—и все отдать въ возвратъ. Минаиха то и подушки на память не оставитъ, Вѣдь это не человѣкъ, а баба... одно слово, тигра!..

— Эхъ, Киръ Лукичъ! какіе тутъ куши! ну ихъ! неча объ нихъ и думать!..

— Гроза на насъ идетъ, туча громогласная! Ревизія въ губернію наѣхала. Какъ снѣгъ на голову,—никто не чаялъ. Капнулись, вишь,—батюшки-свѣты! Вотъ вихорь то пойдетъ... только держись!—Опослѣ губерніи то вѣстимо, всѣхъ лучше, на худое, нашъ уѣздъ отличился.—Значитъ, теперича, того и жди..:

Но старикъ прикащикъ, будучи самъ чрезвычайно взволнованъ, не въ силахъ продолжать рѣчь, и только въ дополненіе, неопредѣленно разводитъ руками.

Бахваловъ глядитъ на него выжидательно; потомъ молвилъ:

— Н ну?!. Добивай, сказывай!

— Охъ, ужъ и говорить-ли?..

— Коли слово замолвилъ, всю рѣчь не утаивай. Говори прямо. Въ чемъ дѣло?

— Дѣло—въ бездѣлицѣ. Надобно ждать, что и къ намъ, навѣрное нагрянуть,— пояснилъ, наконецъ, Гаврилычъ, со вздохомъ, „суть" дѣла.

— Вотъ такъ втюхтирились... совсѣмъ не въ пролазную!

— Хошь за недѣльку-бъ раньше спровѣдать,— можно-бъ концы схоронить, узлы завязать: а то — внезапно! Этакая напасть!

— Да, да, нежданно негаданно!.. Ну, старина что жъ намъ дѣлать?..

— Ума не приложу, — голова коченѣетъ.

— Помоги, старче, порадѣй!

— Кабы спозаранку было знамо-вѣдомо,— на хозяйку, Надежду Лексѣвну, можно бы перевесть, въ зачетъ ея капитала отвѣтственность направить .. и Минаихѣ то было бъ въ подковырку... то-то-бы любо!

— А что?.. и вправду, Гаврилычъ! Хлопочи! Куй желѣзо, покеда не остыло.

Ты вѣдь старый коваль, смекалистый... На расходы денегъ не пожалѣю,— нечего топоръ беречь, лишь бы шкуру уберечь.

Прикащикъ задумчиво молчитъ.

Бахваловъ вскинувъ руки на темя, вопитъ.

— Фу-у! какое помраченье!.. А ну, какъ Надѣ, въ ночь-то, не станетъ?!. Вотъ когда ея слезы возопіяли. Это за нее мнѣ такая кара тяжкая... И по дѣломъ! За тебя, Надя, за тебя!.. А, старикъ! законъ-то сталъ покрѣпше былого?.. Сила и власть!

— Законъ, я вамъ доложу, какъ былъ силенъ допрежде, и не престанетъ повѣкъ быть несокрушимо крѣпкимъ. Власть-же — сила святая. Старина отживаетъ, вотъ что примите во вниманье! Новые люди пошли... Видано-ль, слыхано ль — взятокъ не берутъ!.. Что-жъ это будетъ по нашей булгалтеріи — страшно подумать?!.. Переворотъ, одно слово, всемірный..

Видно, полно пиры пировать, банкеты задавать,— пора и столы убирать, порѣшилъ въ тяжкомъ томленьѣ Бахваловъ. А не больно-то радостно... да и

не какого?.. Такъ-таки и рухнуться съ такой высоты и хлопъ въ пучину!.. отъ почета — въ ничтожество!.. Гаврилычъ! родимый, что жъ молчишь? Вѣдь не онѣмѣлъ-же ты?.. Дай совѣтъ: что дѣлать? какъ быть? какъ горю пособить? Измышляй!..

— Да вы сами, Киръ Лукичъ, опытны въ жизни: по уму — министру не уступите, — вѣдь у васъ голова-то Наполеоновская!..

— То-то, братъ, голубчикъ, и плохо, что и я также совсѣмъ голову съ плечъ роняю!..

ГЛАВА VIII.

Добрый совѣтъ.

Изъ комнаты Надежды, за минуту передъ тѣмъ, пришедшій въ себя вышелъ Коныжъ. Онъ слышалъ послѣднюю рѣчь Бахвалова. Наклонившись, изъ-за спины, къ его уху, онъ таинственно шепчетъ:

— Утѣшься, Кирушка, не тоскуй, не горюй,— я тебѣ хорошее слово молвлю, дамъ добрый совѣтъ: потерпи, потерпи. Стерпится... Х-ха-ха-ха! слюбится.

— О, чтобъ тебя! бѣсъ забодай! — озираясь, молвитъ ему Бахваловъ;—ишь, какъ напугалъ, индо сердце екнуло!

— Опять-же не гнѣвайся, Кирушка. Стерпится... Ха-ха-ха...

— Молчи, безумный! прерываетъ его раздраженный купчина:— пришибу, коли еще поперечное слово молвишь.

Но Конычъ, уклоняясь отъ взмаха Бахвалова и перегнувшись корпусомъ своей сутуловатой фигуры, вперяетъ въ него улыбающій взоръ, указывая на него пальцемъ—и раздается старческій, задорный пѣвучій хохотъ.

— Ха-ха ха!.. Х ха-ха ха!.. А вѣдь я тебя не боюсь, Кирушка! У меня совѣсть чиста,—худыхъ дѣлъ за мной... А ты про себя разумѣй, да помни пословицу:—„не все коту масляница,—наступитъ и постъ.— А постомъ-то люди покаяньемъ во грѣхахъ совѣсть свою очищаютъ... Кайся и молись, Кирушка! да поможетъ тебѣ Богъ.

Эти слова произвели на Бахвалова

сильное впечатлѣніе: онъ былъ пораженъ, остолбенѣлъ: его охватилъ страдальческій, пришибленный страхъ: въ немъ пробудилось чувство искренняго раскаянія, духовная жажда омыть свою совѣсть, дабы она не мучила его упреками за прошлую жизнь.

Богачъ сознавалъ свою виновность передъ Конычемъ, этимъ бѣднымъ, жалкимъ страдальцемъ, имъ же обиженнымъ. Онъ долго стоялъ въ оцѣпенѣніи, блѣдный; губы нервно подергивались; глаза безумно блуждали: сердце въ груди тяжко билось; горловой спазмъ затруднялъ дыханіе...

Наконецъ — Бахвалолъ, зарыдавши, упалъ на колѣни передъ Конычемъ и земно ему поклонился.

— Прости меня, добрый старикъ,— взмолился онъ,—не помни обиды...

Въ то-же время, посланные Бахваловымъ молодцы снуютъ и рыщутъ по городу, въ напрасныхъ поискахъ за докторомъ...

Но „врачъ духовный“ заблаговременно предупреждаетъ его прибытіе къ умирающей, потому что Наденька, подпавши предсмертной, какъ-бы въ летаргической агоніи или истомѣ, пришла въ сознаніе и была напутствуема, по завѣту Христову, для блаженнаго перехода въ жизнь вѣчную.

Конецъ третьей части.

Эпилогъ.

Прошло два года.

Анна Платоновна Фирстова отправила въ Москву письмо.

„Сережа, — писала она племяннику,— если ты любишь свою тетку, пріѣзжай ко мнѣ какъ можно скорѣе. Я больна при-смерти и чувствую, что послѣдній часъ мой близокъ. Въ признательность на мои старанія и заботы, я прошу одного: закрой мои глаза своими руками. Буду ждать тебя съ минуты на минуту“.

Пчельниковъ, по полученіи этого письма, немедленно исходатайствовалъ, по мѣсту службы отпускъ, и поѣхалъ въ Черепицынъ.

Обрадованная пріѣздомъ племянника, Анна Платоновна прожила еще при немъ трое сутокъ и, благословивъ своего любимца Сережу, который оправдалъ на себѣ всѣ ея попеченія и заботы, спокойно отошла въ вѣчность.

Въ день ея похоронъ, Пчельниковъ, преклонясь въ послѣдній разъ надъ свѣжей могильной насыпью, пошелъ побродить по кладбищу.

Въ числѣ многихъ новыхъ могилъ, онъ замѣтилъ двѣ, которыя обратили на себя его особенное вниманіе.

Одна изъ этихъ могилъ была окружена чугунною рѣшеткой и придавлена тяжелымъ мраморнымъ памятникомъ, украшеннымъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ золотыми надписями.

Изъ послѣдней надписи Пчельниковъ узналъ что подъ этимъ памятникомъ погребено тѣло купеческой жены Надежды Бахваловой, и что житія ея было 22 года, 10 мѣсяцевъ и 8 дней; день ея кончины, тутъ-же обозначенный, свидѣтельствовалъ, что эта молодая женщина, послѣ своего роковаго свиданія съ лѣкаремъ, прожила только съ небольшимъ мѣсяцъ.

На другой могилѣ, обратившей на себя вниманіе Пчельникова, былъ поставленъ небольшой деревянный крестъ, который уже покачнулся, подгнилъ и готовъ былъ упасть. Могила эта густо заросла травою и кустами. По всему было видно, что къ ней не подходитъ ни-

когда нога человѣка, который бы пришелъ навѣстить то мѣсто, гдѣ покоится прахъ почившаго.

Въ этой забытой могилѣ—можно было еще прочесть, въ размытой дождемъ надписи на крестѣ—покоился, сномъ вѣчнаго упокоенія, уѣздный учитель Илья Погостовъ.

Присѣлъ Пчельниковъ, послѣ тихой молитвы за упокой усопшихъ, возлѣ этихъ могилъ и тяжко глубоко задумался...

Осенній рѣзкій вѣтеръ шурша вершинами деревьевъ, возбуждалъ въ немъ томительное чувство грусти...

Но вскорѣ вѣтеръ стихъ; тучки стали отдѣляться другъ отъ друга и, какъ бы тая, незримо исчезали въ воздухѣ.

Проблески солнца, проникая между вершинами деревьевъ, коснулись мягкими ласкающими лучами тѣхъ могилокъ, у которыхъ былъ одинокимъ гостемъ молодой лѣкарь, и эти же лучи солнца заставили его выйти изъ своего тяжкаго раздумья.

Отдавъ „послѣдній поклонъ", сумрачный и понурый Пчельниковъ пошелъ съ кладбища, удаляясь отъ любви и дружбы на вѣчную разлуку: все чѣмъ доселѣ во-

сторгался и дорожилъ онъ въ жизни, было зарыто въ землю, и всѣ связи его съ прошлымъ порваны навсегда.

Пчельниковъ, въ минувшую войну, служилъ врачемъ въ дѣйствующей арміи; обратно не возвратился...

Онъ былъ убитъ подъ Плевной.

Конецъ.

W381.5917N-0b6

W117152

12

